

Максим Резниченко

МЁРТВЫЙ ГОРОД

Плетущие

Максим Резниченко

Мертвый Город

«Автор»

2013

Резниченко М. Г.

Мертвый Город / М. Г. Резниченко — «Автор»,
2013 — (Плетущие)

Еще один Плетущий оказался в коме. Не медля, Оружейник отправился на его поиски в мир снов. Но на самой грани, когда разум перестает ощущать собственное тело и когда сон становится реальностью, вмешалась чужая воля. Все произошло слишком быстро. Прошлое встретило Оружейника пустыми улицами мертвого города, места, где пятнадцать лет назад он сдавал экзамен, чтобы стать Плетущим. И снова, как и тогда, их шестеро. И снова, как и тогда, с ними Клаус. Кто он: человек или самозванец под его личиной? Лишенный памяти и большей части собственных возможностей, теряя в яростных схватках с тварями друзей, Оружейник должен найти выход из этого сна – сна-ловушки, сна-откровения.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	36
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Максим Геннадиевич Резниченко

Мертвый Город

Часть 1

Вспомнить все

Мне дороги мои воспоминания. Это все, что у меня есть. Это единственная истинная ценность.
Клиффорд Саймак

Глава 1

Где я?

Мое сознание, более не влекомое чужой волей, уже не летит сквозь мириады чужих снов, рассыпаясь на сотни и тысячи осколков недоумения, страха и растерянности. Да, я чувствую, что мое перемещение прекратилось, но глаза остаются закрытыми, потому что я просто боюсь разомкнуть веки. Мысли носятся в голове, как сумасшедшие, разбегаясь и отказываясь успокоиться.

Сухой и теплый воздух проникает в легкие, а пыль, что ветер бросает мне в лицо, попадает в нос, отчего помимо воли я захожусь в кашле, но глаза не открываю. Страх настойчиво продолжает удерживать их закрытыми, и для меня нет секрета в его источнике. Я боюсь того, что снова окажусь в кошмаре. Я боюсь, что снова окажусь беспомощным перед его ужасом и жутью. Как в том сне про Рэма. Попытаться уйти? Уйти прямо сейчас? ... Уйти и убежать от своего страха?

– Нет смелости в том, чтобы по своей воле пережить кошмар, зная заранее о своей беспомощности, – заявляет мой разум.

– Нет смелости в том, чтобы убежать от кошмара, не попытавшись разобраться в нем, – отвечает ему мое что: сердце или воля? И добавляет, – Только слабость.

Секунды тянутся, но ничего не происходит, по крайней мере, ничего ужасающего я не слышу. Мои мысли успокаиваются и больше не напоминают взбешенных пчел в разворошенном улье. Первая из них материализуется в виде пистолета в моей руке, чья ребристая рукоятка приятно холодит ладонь. Следуя подсказке второй мысли, я «созерцаю». Не понял... У меня ничего не получается! Я снова настраиваюсь, чтобы оглядеться вокруг, используя особое зрение, но, как и в первый раз, у меня ничего не получается. Я останавливаюсь на пятой попытке. Проклятье! Ни разу мне не доводилось слышать о том, что Плетущий не может «созерцать». Третьей мысли уже не возражают ни мое сердце, ни моя воля. Я начинаю процесс ухода из этого сна. Что за чертовщина! Неудача поджидает меня и здесь. На этот раз я не отступаю уже из принципа и настойчиво пытаюсь покинуть этот сон, но после почти целой минуты бесполезных усилий я останавливаюсь. Четвертая моя мысль материализует одежду, обувь, бронжилет на мне и другие вещи, необходимые для выживания. Моя пятая и последняя мысль полна холодной ярости, кроме которой у меня ничего и не остается. Ее плодом оказывается Абакан, под чьей надежной тяжестью напрягается левая рука, а правой я помещаю Беретту в набедренную кобуру.

Ни шестой, ни седьмой мыслей уже не было, потому что я открываю глаза, окунаясь в новую реальность неизвестного мира...

– Макс, ты в порядке? – чужая рука сжимает плечо.

– Что? – собственный голос кажется чужим.

– Ты в порядке, спрашиваю?

Картинка перед глазами странно плывет и двоится, словно взгляд не может сфокусироваться. Тупая боль сжимает виски, да так сильно, что невольно перехватывает дыхание.

– Что с ним? – этот голос отличается от предыдущего, но, как и первый, принадлежит мужчине.

Неестественная мусть постепенно рассеивается, и так же неспешно отступает головная боль. Первое, что я вижу – это чьи-то ноги прямо передо мной. Они обуты в высокие армейские ботинки, в которые заправлены штаны в камуфляжном раскрасе. Мой взгляд скользит выше, фиксируя кобуру с пистолетом, разгрузочный жилет, автомат на ремне, широкие плечи и веснушчатое лицо, под ежиком рыжих волос. Зеленые глаза с тревогой следят за мной, и их обладатель снова обращается ко мне с вопросом:

– Макс, да что с тобой?

Пустота в мыслях и сознании наполняется вдруг радостью узнавания, и я, давась сухим комом в горле, роняю:

– Семен...

Он не успевает мне ничего ответить, потому что в поле моего зрения появляется еще один человек. Он одет практически так же, но в отличие от Семена, это молодая девушка. Ее светлые волосы собраны в тугий узел, а с такого знакомого лица на меня с не меньшей тревогой взирают пронзительно-синие глаза.

– Максим, что с тобой? – спрашивает она.

Я делаю глубокий вдох и шумно выдыхаю.

– Не знаю, Соня, – слова царапают пересохшее горло, и я захожусь в сухом кашле.

– Возьми, – она протягивает мне полулитровую пластиковую бутылку с водой.

Какую-то секунду я непонимающе гляжу на нее, а потом как-то вдруг понимаю, какая нестерпимая жажда мучает меня. Я выхватываю бутылку, в которой плещется прозрачная жидкость, почему-то трясущимися и непослушными пальцами срываю колпачок и жадно припадаю к горлышку, делая длинные глотки.

– Фух, – выдыхаю я, чувствуя, как прохладная жидкость скользит по пищеводу, а мое горло уже не кажется таким сухим и колючим. – Спасибо.

– На здоровье, – следует ответ. – Что с тобой? Ты себя нормально чувствуешь?

– Не знаю, – честно отвечаю я. – Голова раскалывается.

Меня снова начинает мутить, и я опускаюсь на землю прямо там, где стою. От страшной слабости во всем теле кажется, что сейчас потеряю сознание. В мыслях творится настоящий бардак. Я совершенно не понимаю, где нахожусь, и что вообще происходит. Чтобы как-то отвлечься и собраться, я начинаю внимательно изучать землю у своих ног, пристально разглядывая каждую щербинку и скол на вот этом булыжнике.

Так, нужно разобраться во всем по порядку, а то не хватало еще в обморок упасть и подвести остальных. А почему я их не могу подводить? Странный вопрос. Ясно же, почему. Все и без того вымотаны до предела этим экзаменом, который длится уже десятый день. Конечно, друзья меня не бросят и потащат на себе, но в таком случае уровень нашей боеспособности резко упадет. А тварям, что беспрестанно нас атакуют, безразлично, кто из нас как себя чувствует. У них одна цель – достать нас. Нет, терять сознание категорически нельзя.

Тиски боли, которые сжимают виски, вроде бы ослабевают и почти не ощущаются. Слабость все еще присутствует, но меня от нее уже не трясет, как припадочного, разве что пальцы на руках дрожат, но это не критично. Ладно, отдохнул, и хватит, пора двигаться дальше. У нас итак мало времени. Опираясь на автомат, помогаю себе подняться. Чьи-то руки подхватывают меня под локти и поддерживают. Это Рыжий. Киваю ему благодарно. Звуки шагов слева. Угрюмый и Катя подходят к нам.

– В порядке? – немногословно интересуется Сергей.

– В порядке, – в тон ему отвечаю я.

Катя выглядит уставшей, но в ее взгляде, направленном на меня, без труда читается волнение и тревога.

– Идти сможешь? – снова спрашивает парень.

– Да.

Шорох ссыпающегося щебня за спиной.

– Ого! Что это с нашим Оружейником? – весело спрашивает Клаус, спускаясь с насыпи позади меня.

Я оглядываюсь, но прежде смутное, словно дежавю, чувство сжимает сердце. Горечь потери, какая-то странная печаль, злость, необъяснимая обида, разочарование, чувство узнавания и радость от него – все это я ощущаю какой-то невероятно короткий миг. Краем глаза замечаю, как еще больше хмурится Сергей, поджимает губы Катя, недовольно отворачивается Соня и тяжело глядит мне за спину Семен.

– Тебе бы ржать да беситься, – зло бросает он.

– Ага!

Клаус спускается с насыпи и оказывается рядом со мной.

– Что это с тобой тут случилось? – интересуется он не то весело, не то злорадно.

С непонятным мне самому жадным интересом я всматриваюсь в его лицо, пытаюсь найти в нем что-то, хоть что-то необычное. Да что я не видел? Каждый день имею «счастье» лицезреть эту наглуемую рожу. Всех уже достал своим высокомерием. Надменный и напыщенный самовлюбленный индюк.

– Все нормально, Коленька, – срывается у меня с языка помимо моей воли и к моему же собственному удивлению.

– Что? – он как-то вмиг подбирается, и из его глаз исчезает спокойная невозмутимость, надменность и превосходство, уступая место откровенной злости. Он буквально шипит, произнося следующие слова. – Повтори, как ты меня назвал?

– Я назвал тебя Коленькой, или ты не расслышал? – моя ладонь опускается вниз, на торчащую из кобуры рукоятку Беретты. Это движение не скрывается от глаз Клауса.

– Зови меня Клаусом, Оружейник, – цедит он сквозь зубы, но автомат, что висит у него на плече, остается непоколебленным. Знает, что я успею выхватить пистолет быстрее, чем он – сдернуть свой Абакан с плеча.

Я не свожу с него глаз, как и он с меня.

Я уже почти забыл, какого цвета они у него. Что за бред? Как я могу забыть, если каждый день его вижу?

Он смотрит на меня зло и настороженно, готовый, как мне кажется, ко всему. А я жду того движения, что меня спровоцирует. А он ждет меня. Так мы и стоим, уставившись друг на друга, ожидая только повода, намек на повод, чтобы начать.

Напряжение повисает в воздухе и, кажется, достаточно искры, чтобы произошел взрыв. Мир будто застыл вокруг нас. Для меня остался только Клаус, его напряженно следящие за мной глаза. Это странное хладнокровие и ледяная уверенность в собственных силах запоздалыми отголосками удивления касаются меня. Безусловно, Клауса никто не любит, но сейчас я готов к тому, чтобы без лишних раздумий выстрелить в него. Убить? Не знаю. Ранить – точно. Заставить его считаться не только со своим болезненным самолюбием, но и с мнением других – этого я сейчас хочу. Если придется стрелять в него, я ни секунды не буду колебаться – я выстрелю. Не уверен, сколько мы так простояли, меряясь взглядами, но в какой-то миг выражение его глаз неуловимо изменилось. Опасаясь, что это всего лишь уловка с его стороны, я буквально взвинчиваю собственное восприятие, уже готовясь выхватывать пистолет из кобуры. Спустя еще несколько секунд Клаус нарушает звенящую от напряжения тишину:

– Отдаю должное... Максим.

Так сразу и не могу вспомнить, когда он последний раз называл меня по имени. Клаус моргает и отводит глаза, но за миг до этого я вижу в них неуверенность и даже удивление. Его лицо покрыто испариной, и я вижу, как, оставляя на пыльной коже отчетливый след, у него со лба стекает капля пота. Мне показалось, что он хочет ее смахнуть, но он подавляет в себе это желание, не желая делать резких движений. Клаус как-то ссутуливается и отворачивается, показывая спину. Только тогда мне становится ясно, что наш безмолвный поединок окончен, и я позволяю себе вдохнуть поглубже. Вдох получается шумным и чересчур резким, и с удивлением я понимаю, что последнюю минуту не дышал.

Позволяю себе оглядеться, и первое, что вижу – взгляды друзей, скрещенные на мне. В другое время и в другом месте мое тщеславие наверняка было бы довольно теми эмоциями, что в них читаются: удивление, уважение и даже опаска, если не страх. Но не сейчас. Сейчас та небольшая и ничего незначащая победа, если ее так можно назвать, над Клаусом не приносит мне ничего, кроме раздражения. Из-за чего вообще произошла эта неуместная стычка? Я назвал его Коленькой. Откуда я взял это имя? Так мы его никогда не называли, только Любимчиком. Кто же в таком случае к нему так обращается? Кажется, я знаю, кто. Нужно только вспомнить... Тупая боль снова стягивает мою голову огненным обручем и давит в виски, отдаваясь болезненной пульсацией по всему телу и вызывая новый приступ слабости. Отголоски смутных мыслей или воспоминаний исчезают, едва я только прекращаю попытки что-либо вспомнить.

– Макс, что с тобой опять? – поднимаю глаза на Рыжего, который обеспокоенно заглядывает мне в лицо.

– Не знаю, Сема, – отвечаю ему, – наверное, я схожу с ума.

Отмечаю, как Клаус, повернувшись, как-то странно смотрит на меня, но так ничего не сказав, снова отворачивается. Я стараюсь не показывать друзьям охватившей меня слабости, и мне даже удается выпрямиться и выпятить грудь. Надеюсь, никто не заметит моих подгибающихся ног. Перевожу дыхание, но в этот момент ко мне вплотную шагает Катя.

– Нашли время отношения выяснять, – зло бросает она, обращаясь почему-то только ко мне. – Как только вернемся, я обязательно доложу о случившемся Марине Яковлевне. Если вам так охота поубивать друг друга, делайте это после экзамена! Я не собираюсь из-за вас заново его проходить и еще целый год сидеть за партой!

Она распаляется все сильнее и сильнее, словно накручивая сама себя. Катя уже практически кричит мне в лицо, вытянув шею и крепко сжав кулаки. Глухое раздражение просыпается во мне и недовольно ворочается, но я давяю его, не давая выхода. В примирительном жесте я развожу руки, показывая открытые ладони.

– Катя, успокойся, пожалуйста, – только и успеваю вставить я, пока она переводит дыхание.

Она сразу осекается, но взгляд ее становится совсем недобрый. Она широко раскрывает глаза, в которых нет ничего, кроме откровенной злости и неуместного ожесточения. Клаус, стоящий в нескольких метрах от меня, отходит еще дальше, продолжая с ничего не выражающим лицом следить за нашей «беседой». А резкое и колючее чувство неприязни к девушке напротив, что так зло смотрит на меня и собирается дать отповедь, ропщет и пытается вырваться на волю.

– Что ты сказал? – шипит она. – Успокоиться? Я тебя сейчас успокою, идиот! Что ты о себе вообще возомнил?! Нашел время для разборок! Ты самый крутой, что ли?! Что ты тут устроил?! Если мы провалим экзамен, а мы провалим, если будут трупы, придется сдавать его через год! Понимаешь?! Через год! Сдадим его, и что хотите, то и делайте друг с другом! А сейчас будь тихим и незаметным! И не провоцируй Клауса! Иначе...

Что «иначе» она не успевает договорить. Я уже просто не в силах сдерживать рвущиеся наружу раздражение и злость. Резко и без замаха я бью ее по лицу раскрытой ладонью.

– Прекрати истерику, – даже не говорю, а выплевываю я. Весь негатив, что буквально кипел во мне, требуя выхода, еще секунду назад, испаряется, а его место занимает уже знакомое ледяное спокойствие. Я холодно смотрю в остановившиеся глаза Кати. Через секунду они наполняются слезами, которые влажными дорожками бегут вниз по ее лицу.

– Ты обалдел, что ли!? – кричит мне в ухо Семен и приседает рядом с опустившейся на землю девушкой, что-то тихо говоря ей.

– Извини, – без тени раскаяния роняю я, разворачиваюсь и шагаю прочь.

– Максим! – зовет меня Соня, но я не отвечаю и продолжаю идти. Я еще успеваю поймать на себе угрюмый взгляд Сергея и до предела удивленный – Клауса.

Шагаю прочь, не разбирая дороги. Вокруг теснятся какие-то развалины. Грязно-рыжая земля под ногами. Пыль и песок. Улицы, перекрестки, разваливающиеся стены, слепые оконные провалы. Не уверен, сколько я прошел. На пересечении двух широких улиц останавливаюсь и оглядываюсь. Нет, никого уже не видно. Сажусь на какой-то крупный булыжник и приваливаюсь спиной к стене здания. Что странно, я не чувствую никаких душевных мук. Я спокоен. Меня не волнуют ни мои одноклассники, ни их мнение обо мне. Откуда-то я твердо знаю, что способен справиться с любым из них, если возникнет такая необходимость. А со всеми сразу? Не знаю... Меня сразу коробит от этих мыслей. О чем я думаю?! Я поднял руку на Катю, на одну из самых близких для меня людей. За десять лет учебы мы стали друг другу практически семьей. Не было, и нет у нас более близких по духу друзей. Мы, как братья и сестры. Пусть Клауса никто не любит, пусть Сергей вечно всем недоволен, но друг ради друга мы готовы пойти на все. А тут такое... Сперва эта стычка с Клаусом, когда я едва не совершил непоправимое, потом пощечина Кате... Я просто не знаю, что на меня нашло. Как я смог поднять на нее руку?

Мысли путаются и мешают друг другу. словно два разных человека сидят во мне. Один – тот, что любит и уважает своих друзей. Второй – холодный и жесткий, его ледяное спокойствие и бесчувственный расчет поражают и шокируют мое первое Я. Прикрываю глаза, чтобы собраться с мыслями и попытаться разобраться в том хаосе, что сейчас творится у меня в голове. Тотчас напоминает о себе уже знакомая боль. Накатывает слабость и, даже, головокружение. Что со мной происходит? Тиски тупой боли все сильнее сдавливают голову, и я распахиваю глаза. Не в силах сдержать болезненный стон, обхватываю голову руками и пытаюсь абстрагироваться от всех, даже самых незначительных мыслей. Вроде, помогает. Давление сразу сходит на нет, и я судорожно вдыхаю полной грудью.

Какой-то звук. Будто кто-то шелест газеты. Громкий шелест. Я как-то не сразу обращаю на него внимание, продолжая удерживать сознание на той грани, где мысли теряют смысл, а их отсутствие приносит долгожданное облегчение. Появившийся звук не утихает, напротив, он разбавляется новым, который больше всего похож на тот, с которым сбежавшее молоко попадает на раскаленную плиту. Мое сознание все еще пребывает в некоей прострации, и управление телом, видимо, берет на себя спинной мозг. Ничего еще не понимая, прямо из положения сидя, я резко отпрыгиваю в сторону, на удивление далеко, и ухожу в перекат. А то место, где я только что сидел, буквально взрывается сотнями осколков камней, наполняя воздух пылью. Но я этого уже не вижу, потому что, только прикрыв голову руками от летящих снарядов, бегу в сторону, откуда пришел. Злое шипение с каким-то присвистом за моей спиной становится громче, и я под невыносимым углом резко сворачиваю вправо. Спустя миг земля под ногами ощутимо вздрагивает, и я чувствую, как по спине бьют десятки камней, разлетающихся в разные стороны. У меня даже мысли не мелькает о том, что нужно остановиться и дать отпор нападающему. Все мое существо громко и отчаянно вопит только одно: «Беги!» Развалины здания справа. Дверной проем. Кажется, я лечу над землей, едва касаясь ее ногами. Внутрь!

Прямо! Быстрее! Стена, за ней – улица. Двери нет. Плевать! Рыбкой ныряю в оконный проем, кувыркаюсь через голову, вскакиваю и отпрядаю обратно к стене, прижимаясь к ней спиной и стараясь раствориться в ней. Так, что делать?! Шипения, ни с присвистом, ни без него не слышно никакого. Тишина. Тишина? Нет, шорох камней я все же слышу. Проклятье! Что это такое?! Заряженная ракетница появляется в моей ладони. Нужно дать знать своим. Вскидываю руку, уже готовясь выстрелить вверх красную ракету, но в этот миг вдруг понимаю, что лечу. На короткое мгновение от сильнейшего удара в спину перехватывает дыхание, а в следующую секунду, едва успев сгруппироваться, падаю на землю. Шлем спасает голову от сильного удара об грунт. Какой-то грохот, или это у меня в ушах сердце так громко стучит? Нет, все же грохот. Вкус крови во рту. Пытаюсь подняться, вскочить на ноги и бежать, бежать отсюда, как можно дальше. Мощный удар в спину и голову. Земля, летящая мне навстречу. Тьма...

Глава 2

Первое, что я ощущаю, когда прихожу в себя – это боль. Кажется, у меня болит все, что только может болеть. В районе плеч сильно саднят руки. Ноет шея, которую я, видимо, потянул. Ломит ноги в области колен и бедер. Болит спина, словно кто-то со всего размаху вlepил мне кувалдой между лопаток, и это не смотря на то, что подавляющую силу удара принял на себя бронезилет. Голова просто раскалывается, но не от той уже знакомой боли, что сдавливает виски при попытках что-нибудь вспомнить. Слава Богу, переломов нет: руки-ноги целы – похоже, обошелся даже без вывихов. Я медленно открываю глаза, но ничего не вижу. На короткий миг появляется паника, но почти сразу проходит, когда я понимаю, что не вижу ничего не из-за того, что меня подводят глаза, а потому что вокруг и в самом деле темно. Уже ночь? Или погасли все источники освещения?

Потом я начинаю чихать: раз, второй, третий – пыль настойчиво лезет в нос и рот. Марлевая повязка появляется в руке, едва я только о ней думаю. Натягиваю ее на нос, закрепляя петлями за ушами. Дышать сразу становится легче. Опираясь руками в землю встаю, но внезапно бьюсь головой обо что-то сверху. Электрический фонарик, что я «достаю», светит неожиданно ярко. Накрываю его ладонью, давая глазам привыкнуть, и через какое-то время уже изучаю место, в котором невольно оказался. Примерно в метре от земли, надо мной нависает бетонная плита, одним краем она упирается в землю справа от меня, а другим лежит на груде каких-то обломков. Меня, что, завалило? Похоже на то. Выключаю электрический свет и, настроившись нужным образом, пытаюсь «созерцать». Нет, снова ничего не выходит. Плохо. Привычным движением запускаю руку под горло, просовывая ее под одежду. И вот тут я испытываю невероятный шок, когда не могу обнаружить на собственной шее ожерелье из табичей. Потерял? Но как?! Нет и еще раз нет. Я не мог потерять табичи. Ну да, а еще я не могу не «созерцать»... Какое-то время я пребываю в настоящем ступоре. Звук собственного дыхания отражается от нависшей над головой плиты и звучит приглушенно и обреченно. В тщетной попытке я снова пытаюсь настроиться нужным образом, чтобы «созерцать». Потом долго и безуспешно выворачиваю собственные карманы в поисках табичей. Нет, ни на миг я не испугался, ни на секунду не позволил усомниться в собственных силах. Только злость, глухая и темная, просыпается во мне и с отчаянной безысходностью требует сейчас выхода.

Электрический фонарик гаснет, оставляя меня во тьме, когда я выключаю его. Успокаиваю собственное дыхание, чтобы попытаться вслушаться. Через какое-то время, когда глаза уже полностью адаптировались к отсутствию света, мне удается разглядеть узкий, едва заметный лучик света или даже не лучик, а намек на него. Он пробивается как раз из-под плиты слева от меня, там, где она покоится на груде земли и обломков поменьше. Ну что же, бетон и земля – это не должно быть сложно. Я начинаю плести, работая с тканью сна. Мысленно тянусь к этим кускам застывшего раствора, представляя, как сначала небольшие из них крошатся, теряя свою структуру, и превращаются в пыль... Не понял. Ничего не происходит! Делаю глубокий вдох, успокаивая дыхание, и, концентрируясь только на одной мысли, – превратить в пыль вот этот осколок бетона размером с яблоко. Проклятье! Ничего не выходит! Этого просто не может быть! Снова и снова я повторяю доведенные до автоматизма действия, но результат остается неизменным – материя этого сна категорически отказывается подчиняться моим манипуляциям. Это было бы понятно, если бы сон, в котором я сейчас нахожусь, принадлежал другому Плетущему, но я точно знаю, что это не так. Во время нашего экзамена таких ограничений не должно быть. Не должно быть, но это так. И что? Я не могу «созерцать», у меня нет табичей, и я не могу работать с материей этого сна. Все мои возможности ограничиваются личными потребностями: оружием, одеждой, пищей и водой. Выходит, что по всем признакам

это сон другого Плетущего. Позже, все рассуждения позже, сейчас главное – выбраться отсюда и как можно быстрее.

Я протискиваюсь к тому месту, откуда идет свет, и начинаю осторожно отбрасывать в сторону камни и грунт. Включаю фонарь. Как же жарко! Чувствую, что голова под шлемом уже, но его не снимаю – потерплю, пока не выберусь. Едкий пот заливает глаза, я оттираю его ладонью, а когда смотрю на нее, вижу, что она в крови. Бутылка с водой появляется в руке. Я снимаю уже почерневшую от пыли марлевую повязку и щедро лью на лицо прохладную жидкость. Остатки я опрокидываю в рот, полощу его, избавляясь от вкуса крови, и сплевываю. На этот раз вместо марлевой повязки я «достаю» респиратор. Надеваю его. Стягиваю с ладоней обрезанные, без пальцев, перчатки и надеваю такие же, но уже с пальцами – не хочу себе еще и ногти ломать о камни. Вслед за перчатками я «достаю» саперную лопату и начинаю осторожно разгребать завал в том месте, откуда падает уже отчетливо видный луч света. Осторожно и без спешки я откидываю перемешанные с землей куски бетона. Мне везет на самом деле – толщина завала в этом месте незначительная. Отверстие, через которое снаружи попадает свет, в ширину уже не менее десятка сантиметров. Еще немного, и я смогу увеличить его до необходимых размеров и выбраться, наконец, отсюда. Мне едва удается увернуться, нелепо отпрянув назад, когда немаленьких размеров булыжник скатывается в расширяемую мной дыру. Вслед за ним скользят и сыпаются камни поменьше, и через несколько секунд я снова оказываюсь отрезанным от внешнего мира. Проклятье! Нет, останавливаться нельзя. Неизвестно, как долго еще сможет удерживаться бетонная плита, под которой я сейчас нахожусь. Мне вообще повезло, что она оказалась достаточно прочной и не рассыпалась под весом завала.

Мою одежду уже можно отжимать – такая она мокрая от пота. Едкими каплями он лезет в глаза, и я позволяю себе только вытирать его плечом, полностью занятый созданием нового лаза. Грунт и обломки все время сыпаются сверху, не давая толком расширить отверстие, но спустя какое-то время мне все-таки удается увеличить его почти до полуметра в диаметре. Уже ввинчиваясь в проем, думаю, что сперва нужно было как-нибудь укрепить его. Когда я выбираюсь наружу почти по пояс, начинает осыпаться земля. Ругаясь сквозь стиснутые зубы и проклиная все на свете, вырываюсь из каменного мешка и отползаю прочь на несколько метров. Из-за бешеного стука сердца, громяющего в голове, я не слышу, как обваливается проход, через который я вырвался наружу, а только вижу, как, поднимается облако пыли. Гора завала странно оседает – видимо, плита, из-под которой я выбрался, не выдержала нагрузку и обвалилась. Все мысли о счастливом спасении потом. Сейчас я оглядываюсь, стараясь выкинуть из головы картинку обрушивающейся на меня бетонной плиты. Примерно в десяти метрах слева высятся стены какого-то полуразвалившегося здания. Справа, в двух-двух с половиной десятков метров, имеется такое же здание. Не думая ни о чем, кроме того, как добраться до ближайшего укрытия, я за несколько ударов сердца, прямо на четвереньках, преодолеваю расстояние до ближайших стен. Все-таки приходится вздернуть себя на ноги, потому что дверного проема поблизости нет. Помогая себе руками и всем телом, переваливаюсь через окно и, оказавшись за стеной, коротко перевожу дух. Не вставая, чтобы не мелькать в пустых окнах, ползу по земле, стараясь преодолеть как можно большее расстояние до того, как... что? Не знаю, но почему-то я твердо уверен, что нужно убраться подальше. И побыстрее. Углом встретившая стена здания останавливает меня, и я в изнеможении облокачиваюсь спиной о бетонную поверхность, устраиваясь между двух стен. Целую минуту напряженно вслушиваюсь в окружающее пространство, но кроме ветра, заунывно выводящего свою тоскливую песню, и собственного тяжелого дыхания, ничего не слышу. Стягиваю с рук грубые перчатки, благодаря которым мои ладони и пальцы остались неповрежденными, когда я разбирал завал, и отбрасываю их в сторону. Снимаю с лица респиратор, а с головы – шлем и наслаждаюсь прохладным сквозняком. Гляжу вверх, туда, где стены бывшего некогда здания образуют прямо-

угольник, через который видны низкие багровые тучи. Вода с легким лимонным привкусом из бутылки, что появляется в моей руке, кажется невероятно вкусной, и я выпиваю ее полностью.

– И что дальше? – негромко роняю я.

– Нужно искать своих, – отвечаю себе же.

Ракетница в моей руке появляется, едва только я о ней думаю. Колеблюсь всего секунду, опасаясь, что тварь, сумевшая разрушить целое здание, сможет обнаружить меня по сигнальной ракете раньше друзей. Но, с другой стороны, вечно прятаться в этих руинах нельзя – время идет, а нам еще нужно найти зеленую дверь. Даже не мысль, а всего лишь ее отголосок, возникает где-то на периферии моего сознания при мысли о зеленой двери. Я пытаюсь ухватить ее, зацепить, напрягая память, и прикрываю глаза, чтобы легче... Тиски тупой боли даже не сдавливают, а вгрызаются в мозг, немилосердно сверля и долбя его, когда я силюсь вспомнить. У меня вырывается невольный стон, и я тотчас распахиваю глаза, надеясь, что и в этот раз этот нехитрый прием сработает. Он сработал. Не сразу, но боль отступила, оставив после себя странный звон в ушах, но и он вскоре исчезает. Делаю судорожный вдох – оказывается, я и не дышал – и обессилено откидываюсь спиной на стену. Страшно сушит горло. Я «достаю» бутылку с водой и выпиваю ее, не чувствуя вкуса. Ладно, нельзя так нельзя. Сейчас главное – найти друзей. Вскидываю руку с зажатой в ней ракетницей и жму на спуск. Хлопает, и, громко шипя, ввысь уносится ярко зеленая звездочка. Ракета достигает максимальной высоты и, оцарапав низкие тучи, зависает в воздухе на раскрытом маленьком парашюте. Ну вот, теперь нужно глядеть в оба. Вдруг раздается громкий шорох, но я успеваю увидеть взмывающую вверх неожиданно далеко ярко-желтую ракету. Мои друзья дали о себе знать, но последнее, что я сейчас сделаю – это отправлюсь к ним навстречу. Знакомое шипение с каким-то присвистом раздается совсем близко, и я, холодея от страха, понимаю, что тварь, по вине которой я совсем недавно оказался под завалом, находится по ту сторону стены, совсем рядом! Я даже чувствую, как бетонная поверхность, к которой сейчас прислоняюсь, едва ощутимо вздрагивает, когда исполинская туша монстра касается ее. Я уже догадываюсь, какой облик имеет та тварь за стеной, но сейчас это знание мне ничего не дает. Она слишком близко, а я не хочу рисковать. Если бы не мои ограниченные возможности, я бы, конечно, не стал таиться и атаковал существо, но, к сожалению, это не так, и мне остается только прятаться. Единственное, что меня радует – это то, что тварь, похоже, не чувствует или чувствует слабо мое присутствие, иначе вряд ли бы она стала медлить и попыталась меня достать. Что ей стоит развалить и эту стену, за которой я сейчас прячусь? Шипение умолкает, но шорох, напротив, звучит все громче и доносится уже, кажется, отовсюду. Каких же она размеров!? Только бы монстр не стал заглядывать сюда, пусть ползет себе дальше. Внезапно звук, сопровождающий движение монстра, утихает, и наступает неестественная тишина. Даже ветер, словно в испуге, не решается ее нарушить. Капля пота скатывается по лбу, пересекает переносицу и зависает на носу. Невероятно сильно хочется смахнуть ее. Так же, как и вытереть покрывшиеся испариной виски и скулы. Я открываю рот и вдыхаю воздух животом, чтобы даже так не выдать себя малейшим звуком.

Мне страшно, по-настоящему страшно. Я боюсь, что монстр меня обнаружит, а я не смогу даже толком защититься. Я боюсь собственного бессилия, боюсь за друзей, потому что тварь не кажется уязвимой и легкой жертвой. Я боюсь, что так и не смогу помочь Мише, своему другу, который пребывает в коме... От последней мысли у меня перехватывает дыхание. В этот момент, когда у меня по венам вместо крови бежит, кажется, чистый адреналин, когда напряженные секунды нервного ожидания растягиваются в минуты, когда время замедляет свой ход, собственное восприятие становится вдруг предельно четким и ясным. Это ощущение в чем-то схоже с тем, которое бывает, когда, находясь во взлетающем самолете, закладывает уши, и нужно лишь сглотнуть и приоткрыть рот, чтобы неприятный шум в голове пропал, а слух снова стал чистым и каким-то даже резким. Миша, мой друг из Хабаровска, сейчас пребывает в коме. Мое тело в данный момент находится в кровати на съемной квартире в

Минске, куда я приехал из Киева в командировку... Еще воспоминания. Я Плетущий, я сдал свой экзамен пятнадцать лет назад. Еще... Жена и две девочки, мои дети... Искристый смех и лучи солнца, яркого и теплого... Воспоминания жестко обрываются, когда стена, к которой я прислоняюсь, едва заметно вздрагивает, а тишину этого мертвого места нарушает мощное шипение и скрежещущий шорох.

Где-то я читал, что в Южной Америке была обнаружена змея длиной одиннадцать метров. Она была занесена в книгу рекордов Гиннеса. Однако позже поймали почти пятнадцатиметрового аспида весом под полтонны. С тех пор змеи длиннее не обнаружили. Признаться, тогда я был шокирован, узнав о существовании рептилий таких размеров и таких масс. Сейчас же, выглядывая в оконный проем, я наблюдаю за змеем, который в длину метров семьдесят, не меньше, а в ширину, как легковой автомобиль, наверное, или даже больше. Не знаю, сколько в нем веса, но при таких размерах это уже не так важно. Плавность движений, с которой монстр перемещается, сказать «ползет» не поворачивается язык, завораживает и приковывает к себе взгляд. Его угольно черная чешуя матово блестит, отражая свет багровых небес. Я бы мог сказать, что змей красив, не будь он настолько жутким.

Оказавшись у горы завала, из-под которого я с таким трудом совсем недавно выбрался, монстр ненадолго замирает и, словно внюхиваясь, водит из стороны в сторону своей огромной, с небольшой грузовой, треугольной башкой. Не нужно быть гением, чтобы понять, что, или точнее кого, он там ищет. Я снова укрываюсь за стеной, справедливо опасаясь попасться чудовищу на глаза, если он повернет в мою сторону голову. Это было бы, по меньшей мере, глупо. Насколько я помню, змеи прекрасно видят в тепловом зрении. Не может быть и речи о том, чтобы пытаться его атаковать при моих ограниченных возможностях. Возможно, пулеметные пули и пробьют его чешую, в чем я сильно сомневаюсь, но даже если и так, толку от этого будет чуть. Рискнуть поразить его в череп? Сомневаюсь, что он мне подарит возможность спокойно прицелиться и всадить ему в голову сколько пуль? Нет, сейчас я не готов. Для тяжелого оружия, такого, как гранатомет или огнемёт расстояние слишком невелико, чтобы не пострадать самому от последствий взрывов.

Таясь за стеной, я снова пытаюсь работать с материей этого сна. К моему приятному удивлению, мне это почти удается, но... Вместо соснового ствола из-под земли выбивается едва заметный зеленый росток. Я пытаюсь расплавить грунт и превратить землю в кипящую лаву, в которой исполинский змей сгорит, но никаких видимых эффектов не наблюдаю. Касаюсь ладонью пяточка земли в том месте, куда направлено мое внимание, но едва ли грунт в этом месте стал теплее, чем был. Я пытаюсь «воссоздать» водоем и покрыть его льдом, чтобы заточить монстра в ледяной плен, но капельки влаги, появившиеся на бетонных обломках у моих ног, словно насмеяются надо мной. Пытаюсь поднять ветер, чтобы проверить, как я могу управлять воздухом, используя его в качестве ударной силы. В ответ на мои старания лица касается чуть заметный сквозняк. Чувство собственного бессилия здорово злит и раздражает. Если бы это место было сном другого Плетущего, у меня и этого не получилось бы. Но почему, в таком случае, результаты моей работы выглядят более чем скромно? Что вообще происходит?

Не думаю, что прошло больше пяти минут, когда я через оконный проем снова выглядываю на улицу. Гора обломков бетона, перемешанного с грязно-рыжей землей – то, что осталось от здания, – возвышается на прежнем месте, а гигантского змея нигде не видно, и не слышно, кстати, тоже. Не рискуя покинуть укрытие, я еще целую минуту напряженно вслушиваюсь в безмолвие мертвых руин, но нет – лишь вновь поднявшийся ветер разбавляет тишину негромкой тоскливой песней. Искренне надеюсь, что мои друзья не наткнутся на чудовищного монстра.

А теперь нужно осмотреться. Та сторона здания, за которой я сейчас прячусь, выходит на улицу. Из окон примыкающей стены открывается вид на довольно большую площадь. Не могу утверждать точно, но в диаметре она не меньше трех сотен метров. От нее, насколько я могу

отсюда видеть, отходят и другие улицы. Они разрезают сплошную стену зданий на кварталы. Но я не обращаю на это особого внимания и даже не пытаюсь посчитать, сколько таких улочек тянется от площади в разные стороны, потому что цепляюсь взглядом за нечто странное в полусотне метров от меня. Там, поблескивая белоснежными мраморными боками, возвышается самый настоящий фонтан. Массивная и широкая круглая чаша, вдоль которой заметен невысокий бортик, венчается пятью, нет, шестью чашами поменьше. Я не слышу и не вижу воды в нем, но и без того это удивительное сооружение выглядит более чем странно и неестественно в этом месте. Мой взгляд скользит дальше, изучая пространство. А вот здание на противоположной от меня стороне площади кажется почему-то знакомым. Массивное, прилично раскинувшееся в ширину, его венчает купол. Пустые окна темными провалами глядят на площадь, что означает, крыша там цела. Никакой головной боли не возникает при попытке вспомнить, где же я мог видеть это здание. Да это и не странно, потому что совсем недавно я уже вспомнил его. Это и есть та самая ратуша, как мы ее называли, когда сдавали экзамен, в которой находится зеленая дверь – выход из этого мира. Так было тогда, пятнадцать лет назад. А сейчас? Что происходит сейчас? Считаю этажи: десять. А сколько их было тогда? Не помню, но это уже и не так уж важно, потому что проверить здание, особенно его пятый этаж, нужно будет обязательно. Вот только дождусь друзей.

Противоположная от площади стена здания, в котором я укрылся, выходит на небольшой двор, закрытый со всех сторон стенами других домов. Сколько уже прошло времени с тех пор, как я выстрелил ракету, и мне ответили? Четверть часа примерно. Если в ближайшую минуту ребята не выйдут ко мне, запущу еще одну ракету.

А пока нужно подумать. Итак, я оказался в этом странном месте не по своей воле. Миша, мой друг, пребывает в коме, и я отправился в мир снов, чтобы попытаться найти его с помощью его же табича. Однако некто каким-то невероятным образом смог затащить меня в место, практически ничем не отличающееся от того, где пятнадцать лет назад я и мои одноклассники сдавали выпускной экзамен, чтобы получить право называться истинным Плетущим. Главная проблема сейчас заключается в моих резко ограниченных возможностях. Личные потребности я удовлетворяю без малейших затруднений, но работать с тканью самого сна у меня не получается. И нельзя сказать, что я нахожусь в мире другого Плетущего, иначе не мог бы плести вообще. Плюс к этому, я не могу «созерцать», во что бы ни за что не поверил, не окажись сам в таком положении. И у меня нет табичей. Ах да, чуть не забыл, я не имею возможности покинуть этот сон. Кажется, все. Плохо. Да, я помню, как нам с друзьями пришлось тяжело на последнем этапе экзамена, как раз в этом самом мертвом городе, очень похожем на то место, где находимся сейчас. Я помню, как мы тогда постоянно отбивались от многочисленных монстров и как сквозь отсутствующий участок стены на пятом этаже ратуши обнаружили зеленую дверь. И какой немисливо огромный монстр пытался нас остановить. Пытался? Да, пытался, потому что я все-таки достал его с помощью смертельного вируса. Ребята прошли в дверь раньше, а я... А я попал туда последним. Перед глазами мелькают картинки из давнего прошлого, на которых, словно на фотографиях, вижу невероятно длинные тела тварей, оказавшихся на самом деле щупальцами, багровый свет, отраженный от их хитиновых панцирей, трещины на стенах, провал в полу, пыль перед глазами, окровавленную ухмылку Клауса, висящего над клубящимся пылью провалом и его же, но уже летящего вниз, широко распахнутые глаза... Но он жив! Я же с ним разговаривал совсем недавно. Или это был не он? А кто тогда? Что-то мне это напоминает, но что именно, я даже не пытаюсь вспомнить, опасаясь новых приступов головной боли. А почему Миша в коме? И почему я вдруг оказался в Минске? Отголоски знакомой боли лишь намекнули о своем приближении, и я тотчас прекратил попытки вспомнить что-либо еще. Вот в чем я абсолютно уверен, так это в том, что тогда, пятнадцать лет назад, мы не встречали на своем пути такой яркий и запоминающийся объект, как белый фонтан посреди площади, хотя на самой площади мы как раз и останавливались. И еще тогда не было этого огромного змея...

Глава 3

Мои путающиеся мысли и боязливые воспоминания вдруг прерывает автоматная очередь. Вспарывая безжизненную тишину, она трещит несколько долгих секунд, пока магазин, видимо не пустеет. Почти сразу ей вторит такая же паническая и заполошная стрельба, а вслед за этим до меня доносится приглушенный расстоянием глухой хлопок гранаты. Дверной проем, возле которого я стою, выходит во внутренний двор здания, и дальше стен соседнего дома, расположенного в полусотне метров, ничего не видно. Снова доносится стрельба, но уже короткими очередями. А вот и Абакан заговорил двойными, почти слитными выстрелами. Насколько я помню, им был вооружен Клаус. Частый треск автоматных выстрелов звучит все ближе, и теперь уже не остается сомнений, откуда они доносятся – как раз из-за здания напротив. Гашу в себе порыв немедленно броситься на помощь ребятам. В том, что это именно они ведут бой, сомнений нет. Чувствуя, что времени очень мало до того, как они появятся, я мысленно прикидываю возможности своих друзей, касающиеся вопросов оружия. Нет, здесь нужно обойтись исключительно базовыми знаниями, поэтому вместо Печенега я «достаю» РПК с коробом на сто патронов. Сколько я смогу их «удержать» без ущерба для собственного внимания? Еще один пулемет Калашникова с таким же боекомплектом появляется у меня в руках спустя секунд пять, и я ставлю его прикладом в землю, прислоняя к стене. Две огневые точки готовы. Выстрелы слышны уже совсем близко, и через несколько секунд я вижу, как из дома на другой стороне двора появляются мои друзья. Руки напрягаются под весом появившегося автомата, и я, не медля, передергиваю затвор, досылая в ствол патрон. Мой Абакан, который так понравился когда-то Клаусу, переключен на «двойные». Какой-то шорох сзади. Или справа? Вскидывая оружие к плечу, резко оборачиваюсь, приседая, но никого рядом нет. Наверное, за грохотом выстрелов показалось. Еще раз оглядевшись, снова оборачиваюсь туда, откуда бегут ребята. Бегут? Что-то не похоже. До них еще метров сорок, поэтому я не сразу обращаю внимание на перекошенные от страха лица, да и не на лица я смотрю, а на Сергея, что едва ковыляет, упираясь на плечи Сони и Кати, которые поддерживают его с обеих сторон. Я снова заставляю себя оставаться на месте, контролируя и держа под прицелом фланги и окна зданий по бокам. До Угрюмого с девушками уже не больше тридцати метров, когда в поле зрения появляются Семен и Клаус. Они отступают, пятясь назад, и непрерывно ведут огонь из автоматов короткими очередями. Пока не видно, в кого они там стреляют, да я особо и не вглядываюсь, потому что все мое внимание приковано к тройке ребят, пытающихся не то бежать, не то быстро идти. «Только бы они не от змея отбивались», – успеваю я еще подумать, но сразу отбрасываю эту мысль. Вряд ли монстр позволил бы в себя стрелять. Я уже вижу, что у Сергея сильно окровавлена одна нога, и ткань штанов рваными лоскутами свисает на ней чуть выше колена. Катя поддерживает его левой рукой, потому что правая безвольной плетью свисает вдоль тела. Соня, похоже, цела, она одной рукой обнимает парня за спину, а второй помогает ему опираться на свои плечи. Ни девушки, ни Сергей меня не видят, глядя только себе под ноги. До них уже не больше двадцати метров, и я прикладываю серьезные усилия, чтобы оставаться на месте, а не броситься на помощь. Что-то меня удерживает и не дает двинуться с места. Их шаги, неуклюжие и торопливые, словно счетчиком отсчитывают метры, разделяющие нас. Я отчетливо слышу, как гулко стучит в висках кровь, и звук собственного сердца, накачивающего ее адреналином.

Остается девятнадцать метров... Мой взгляд скользит по стенам этого двора – колодца.

Восемнадцать... Я поудобнее перехватываю автомат.

Семнадцать... Слышу уже, как стонет Угрюмый.

Шестнадцать... Частые дульные вспышки на стволах автоматов Семена и Клауса, почему-то абсолютно бесшумные.

Пятнадцать... Соня поднимает голову, и наши глаза встречаются.

Четырнадцать... Рыжий оборачивается и вдруг что-то начинает кричать девушкам, продолжая вести неприцельный огонь по противнику.

Тринадцать... Узнавание в глазах Сони. Растерянность. Радость.

Двенадцать... Я уже вижу тварей, что гонят моих друзей. Они мелькают темными силуэтами в окнах дома напротив.

Одиннадцать... Лицо Сони сереет от ужаса. Ее взгляд устремлен выше меня.

Десяти уже нет...

Девушка начинает отпускать парня, и тот, не получая поддержки, валится на землю, увлекая за собой Катю. Время, словно замедляется, и я вижу, как Соня заторможенно тянет из-за спины автомат. Она уже кричит, широко раскрыв рот, но крика не слышу. Я вижу ее, а в следующий миг на землю, прямо передо мной, со стены здания, за которой я стою, спрыгивает тварь. Она спиной ко мне и готова к новому прыжку. Мне нужно всего лишь переместить ствол своего автомата на двадцать сантиметров, чтобы навести его на цель, и поразить ее. Я вижу под черной кожей или шкурой на спине монстра перекачывающиеся бугры мышц. Я вижу, как его ноги, будто туго сжатые пружины, начинают выпрямляться, толкая мощное тело вперед и вверх... Мои злые пули начинают рвать плоть твари уже в воздухе.

– БАМ-БАМ! БАМ-БАМ! БАМ-БАМ! – все мои свинцовые убийцы находят свою цель. Монстр падает на землю в нескольких метрах от ребят, несколько раз конвульсивно вздрагивает и исчезает, сдохнув.

Время срывается, будто обезумевшее, наполняя воздух грохотом выстрелов, криками ребят и ревом тварей. Я бросаюсь с места и за секунду преодолеваю расстояние до ребят. Соня так и не успела поднять свой автомат. Черты ее враз побледневшего лица заострились и сделали девушку гораздо старше. Она что-то говорит, но смысл ее слов ускользает от меня.

– Ты жив?! Где ты был?! – ее речь доносится точно через вату: глухо и невыразительно. И я не могу понять, чего больше в ее голосе: радости, злости или страха.

– Живо! Вопросы потом! – кричу в ответ и бросаю быстрый взгляд на Рыжего и Клауса. Они заметно приблизились и все так же продолжают пятиться, непрерывно отбиваясь от нападающих тварей.

Я подхватываю уже бесчувственное тело Сергея под руки и волоком тащу его до укрытия, облакачиваю к стене, оглядываюсь – никого с противоположной стороны – и возвращаюсь за Катей. Не церемонясь, оттираю Соню, пытающуюся помочь ей подняться, в сторону и так же, как Угрюмого, тащу по земле в укрытие. Заталкиваю следом Соню и успеваю крикнуть ей:

– Гляди по сторонам!

Уже на ходу одним движением меняю в автомате начатый магазин на полный, переключая рычажок на автоматическое ведение огня. Парни, умело прикрывая друг друга, успешно пока сдерживают натиск монстров. Гориллы, как я про себя назвал человекоподобных созданий, тупо, но упорно лезут прямо под пули. Они не предпринимают попыток обойти стрелков и гибнут в больших количествах. Два металлических цилиндра появляется в моих ладонях, когда я подбегаю к парням.

– Назад! Бегом! – кричу им. – Бойся!

Стальные колечки летят в стороны, и две шоковые гранаты падают на землю перед атакующими тварями. Спешно отворачиваюсь, сгибаясь, открываю рот и зажимаю уши руками. Успеваю увидеть спины Семена и Клауса, бросившихся прочь, прежде чем звучат взрывы. В ушах все равно звенит, но глаза совсем не пострадали от яркой вспышки, что хорошо. Разворачиваюсь, вскидывая автомат. Совершенно предсказуемо обезумев от шока, твари с дикими и безумными криками, от которых мороз бежит по спине, бросаются друг на друга, рвут, кусают, полосуют когтями на лапах. Я выпускаю несколько очередей в самых ближних из них и снова «достаю» пару светозумовых гранат. На этот раз я зашвыриваю их в самую гущу свалки из

черных тел, стараясь поразить тех, кто еще не попал под действие первых взрывов. Кажется, что гориллы просто не могут реветь, и визжать громче, чем они делают это сейчас, но, как оказывается, я ошибаюсь. После разрывов второй пары гранат шум поднимается такой, что я перестаю слышать автоматные очереди, а вижу только дульные вспышки вздрагивающих в руках парней автоматов. Остановившись за десяток метров до укрытия, Семен с Клаусом поливают свинцом обезумевших тварей. Какое-то движение слева. Рыжий тоже что-то замечает и моментально меняет угол ведения огня. Теперь он, не жалея патронов, но как-то слишком суетливо расстреливает боезапас. Семен целится куда-то влево и вверх, сбивая со стен пытающихся обойти всеобщую свалку тварей. Ровняюсь с ними.

– За стену! – кричу Рыжему в лицо.

Новая пара шоковых гранат летит в гущу обезумевших монстров. Боеприпасы взрываются, но звука разрывов не слышно – все перекрывает дикий ор. Только короткие и яркие вспышки на миг сверкают за спиной. Все, парни уже за стеной. Вижу, как они разворачиваются, готовясь открывать огонь, но почему Рыжий целится прямо в меня? Инстинктивно шарахаюсь в сторону. Вспышка короткой автоматной очереди на мгновение, словно на фотоснимке, высвечивают перекошенное от злости лицо друга. Свистит рядом с головой, прямо над левым плечом. Скорее чувствую, чем слышу, как на землю за спиной падает что-то большое и тяжелое. Врываюсь в дверной проем, да так, что ноги идут юзом, не в силах погасить инерцию тела.

– Пулеметы! – ору я Клаусу, но он уже и сам, достреляв магазин в своем автомате, подхватывает стоящий у стены РПК, устраивает его в оконном проеме, передергивает затвор и жмет на спуск. Пыль со стен, земли и пороховой дым моментально окутывает его. Почти сразу к нему присоединяется и Рыжий, открывая огонь из второго приготовленного мной пулемета у соседнего окна.

Быстро оборачиваюсь, проверяя обстановку, но здесь все нормально – никто с тыла не лезет. Сергей продолжает пребывать без сознания. Он так и лежит в той позе, в которой я его оставил, прислоненным у стены. Парень находится как раз между дверным проемом и Клаусом. Катя отползла подальше от стены. Рядом с ней – Соня, она осматривает ее руку, не забывая поглядывать по сторонам. А ребята тем временем ощутимо прореживают ряды нападающих монстров. Огонь из двух пулеметов останавливает их и даже отбрасывает назад, почти к самой стене стоящего по ту сторону двора здания. Первым умолкает РПК Семена.

– Перезарядка! – кричит он.

Я занимаю позицию у окна слева от Рыжего, выбивая из автомата самых шустрых тварей, пока он не «достает» новый пулемет. Семен успевает, когда я достреливаю последний патрон из магазина своего Абакана. Оскалившись и свирепо что-то прорычав, он открывает огонь по монстрам, Новый автомат с уже полным магазином появляется в моих руках вместо исчезнувшего, что я просто отпустил на землю. Бросаю взгляд на Клауса, но тот еще не израсходовал свой боезапас, ведя огонь короткими экономными очередями. Он на миг отвлекается и смотрит на меня. Наши глаза встречаются, но я так и не понял, что значил этот его короткий взгляд. Я прикрываю его, пока он «достает» новый РПК, когда в старом закончились патроны.

Монстров оказалось много. Они прут на нас прямо в лоб, не предпринимая попыток обойти наши позиции с флангов, и это, воистину, дарит нам возможность эффективно сдерживать их яростный и безумный натиск. Грохот пулеметных очередей заглушает визги и вопли раненных тварей. Семен с Клаусом пока неплохо справляются со своей задачей по сдерживанию противника, и я решаюсь осмотреть Угрюмого, что так и сидит на земле у стены там, где я его оставил. Соня также приблизилась к Сергею, но заняться его осмотром не решается, видимо, испугавшись страшной раны.

– Ты как? – не смотря на стоящий грохот, она меня слышит и кивает в ответ. – Что с Катей?

– Перелом, – я скорее угадываю это слово по ее губам.

– Сама цела?

– Да, – снова кивает она.

Оглядываюсь на баюкающую свою руку Катю.

– Помоги ей, – указываю на нее Соне. Ничего не ответив, девушка, пригибаясь, смещается к ней.

А Сергей плох. Плох настолько, что в пору опасаться за его жизнь. Хорошо, что он без сознания и не чувствует боли. Ножом разрезаю штанину выше того места, где обильно кровоточит на ноге рана. Бросаю короткий взгляд на лицо друга, оно очень бледное и покрыто испариной выступающего пота. Ткань брюк поддается сразу, и моим глазам предстает страшная рваная рана. Будто некий зверь попытался откусить ногу Сергею, и, если бы не кость, ему бы это, наверняка, удалось. Это становится видно, когда я промываю его рану водой из бутылки. Угрюмому срочно нужно покинуть этот сон, иначе он просто умрет от потери крови. Тугим жгутом я перетягиваю ему бедро, останавливая кровь. Зубами разрываю бумажный пакет в руках и щедро обрабатываю рану антисептиком. Аккуратно накладываю на нее повязку с серебряным покрытием и, снова помогая зубами, перевязываю ногу бинтом. Пластиковый шприц с обезболивающим появляется в моей ладони, и я делаю укол. Проверяю пульс. Он очень слабый и прощупывается не сразу. Плохо. Сергею нужно уходить, иначе он не проживет и часа. Он без сознания, и, естественно, не сможет сам покинуть сон, поэтому эту задачу возьму на себя я. Выбить из сна человека не сложно, как впрочем, и Плетушего, тем более что сейчас для этого соблюдены все условия: он рядом и не пытается сопротивляться. Шум, стоящий вокруг, мешает, но не настолько, чтобы я не смог сосредоточиться нужным образом и выполнить задуманное. Закрываю глаза, настраиваясь на особое зрение, и едва не взываю от собственного бессилия: я не могу «созерцать», а иначе ничего не получится – я должен «видеть» Плетушего. Я пытаюсь снова и снова, но у меня так ничего и не получается. Распахиваю глаза и оглядываюсь. Если у меня ничего не выходит, может быть, получится у кого-нибудь из ребят? Соня заканчивает обматывать Кате бинтом руку с прилаженной к ней шиной. Почувствовав мой взгляд, она оборачивается, и я одобрительно киваю, а потом жестом зову ее. Девушка согласно моргает и возвращается к своей работе. Катя старается не смотреть на меня, но сейчас это неважно. Все разговоры после. Совершенно неожиданно Угрюмый вдруг приходит в себя и хватая меня за руку, глядя своими светло-кариими глазами с узившимися почти в точку от действия обезболивающего зрачками. Видя, что он хочет что-то сказать, нагибаюсь к самому лицу друга.

– Сволочь, – он еле шепчет. – Гад... Из-за тебя... Чтоб тебя твари сожрали...

Я смотрю на Сергея, но он уже снова отключился. Бледное лицо, покрытое бисеринками пота.

Стараюсь выровнять внезапно сбившееся дыхание. Поднимаюсь на ноги и, пытаюсь отвлечься от обидных мыслей, мысленно охватываю окружающее. Семен скоро достреляет свою ленту, и его нужно будет прикрыть. Клаус ведет огонь короткими очередями. Катя сидит на земле и качает свою руку. Соня, наконец, заканчивает с ней и, не вставая в полный рост, в несколько шагов оказывается рядом со мной и Угрюмым. Так ли он неправ, обвиняя меня в том, что с ним случилось? А что вообще с ним случилось? Сейчас это не так важно. Важно только то, что он сейчас на грани, и если не заставить его покинуть этот сон, парень умрет.

– Попробуй выбить Сергея из сна! – перекрикивая грохот выстрелов, отвечаю Соне на ее вопросительный взгляд. Несколько секунд она осмысливает услышанное, потом оглядывает бессознательное тело, проверяет пульс, снова глядит на меня и согласно кивает.

– Презарядка! – это Рыжий.

– Помоги Соне! – кричу ему в ухо, занимая позицию у окна. Не говоря ни слова, Семен вяло кивает и отходит к девушке. Передергиваю затвор своего пулемета и жму на спуск. Оружие вздрагивает в руках, выплевывая во врага свинцовую смерть. Спустя десяток секунд замол-

кает пулемет Клауса, и я какое-то время контролирую и его зону ответственности, прежде чем он снова не вступает в бой. Еще несколько раз я меняю пулеметы, когда в коробах заканчиваются патроны. Лишь единожды я бросил взгляд на Соню и Рыжего, склонившихся над Угрюмым, который так никуда и не исчез. Это означает только то, что я не единственный из нас, у кого возникли серьезные сложности со своими умениями и возможностями. Ни Соня, ни Семен не могут выкинуть из сна Сергея. Я еще успел увидеть, как к ним подползла Катя, но ничего не поменялось. Угрюмый так и сидит на земле, и никуда он не исчез.

Схватка длится еще минут пять, а может и чуть дольше. За время боя я дважды сменил позицию, спасаясь от окутывающего меня облака порохового дыма. Так и не сумев преодолеть открытое пространство внутреннего двора, монстры погибают все до единого. Исчезают последние убитые нами с Клаусом твари, и уже более ничто не напоминает о стычке. Мне кажется или кто-то позвал меня по имени? В ушах все еще гремят пулеметные выстрелы, и я не могу сказать точно, поэтому поворачиваю голову, шаря взглядом по сторонам. Семен сидит на земле спиной ко мне. Он склонился над Сергеем, который уже не сидит, а лежит во весь рост на земле, потом вдруг резко отпрядает от него и начинает ритмично двигаться вверх-вниз несколько раз подряд. Затем снова склоняется над раненым.

– Максим! – оказывается, меня зовет Соня. Слезы стоят в ее больших испуганных глазах.

Рыжий продолжает делать искусственное дыхание и массаж сердца Сергею, когда я оказываюсь рядом с ними. Крепко сжатые губы, и взгляд, полный страха, брошенный Катей. Но боится она вовсе не меня. Бледная кожа и посиневшие губы приоткрытого рта на лице Угрюмого.

– Дыши! Ну же! Дыши давай! – восклицает Семен и бьет по груди друга кулаком туда, где уже не бьется его сердце. – Не вздумай умирать!

Соня беспомощно смотрит на меня, и по ее грязному лицу скатываются прозрачные слезы, оставляя на коже отчетливые дорожки. А потом, когда Рыжий в очередной раз пытается вдохнуть воздух в грудь погибшего, он просто исчезает, тает в воздухе, истончаясь в линиях и растворяясь в объеме. Семен едва не падает лицом в землю, но в последний момент успевает подставить ладони. Наверное, втайне я ожидал нечто подобное, поэтому не слишком удивляюсь произошедшему. А вот шок, который читается в глазах остальных, передать словами очень сложно. От изумления ребята потеряли дар речи, и целую минуту ничто, кроме ветра, не нарушает воцарившуюся тишину.

Глава 4

– Но как...? – Рыжий первым приходит в себя. – Почему Серега исчез?

Его вопрос, полный удивленного недоумения, повисает в воздухе, оставшись без ответа. А почему не удивлен случившемуся я? Может быть, потому что я точно помню, что во время сдачи того экзамена, что был пятнадцать лет назад, Сергей не погиб? Я знаю, кто тогда погиб, и это был вовсе не Угрюмый. Холодный циник во мне в раздражении передергивает плечами от самой ситуации, в которую я попал. Место, в котором я невольно оказался, невероятно сильно напоминает сон-экзамен. Друзья, что меня окружают, действительно выглядят, семнадцатилетними подростками, пусть физически и очень развитыми. Единственное, что выбивается из общей картины – это присутствие Клауса, который, впрочем, как и остальные, вероятней всего не является человеком. А почему я так в этом уверен? Ведь будь люди вокруг меня тварями, что после смерти исчезают, они бы не смогли «воссоздать» оружие. Нет, нет, они не могут быть созданиями. С другой стороны, я не заметил, чтобы Сергей стрелял. Он уже был ранен, когда я увидел его. И что это значит? Что только Угрюмый не был человеком? А остальные?

– Почему вы не выбили его из сна? – спрашиваю я Рыжего.

– Я не смог, – он отвечает не сразу.

– И я, – вторит ему Соня.

– Почему? – уточняю.

– У меня не получилось «созерцать», – угрюмо роняет Семен, а девушка кивает в такт его словам.

– Катя, – поворачиваю к ней лицо, – ты можешь «созерцать»?

Она смотрит на меня исподлобья несколько секунд, потом, ничего не сказав, прикрывает глаза и на какое-то время замирает неподвижно. Наконец, она поднимает голову, и я вижу великое смятение в ее взгляде.

– А ты? – обращаюсь к Клаусу.

– Нет, у меня тоже ничего не получается, – он качает головой, – я уже пытался.

– Черт знает что, – бормочу я, «достаю» сигарету, подкуриваю ее от спички и опускаюсь на раскладной стул, что появляется за моей спиной.

– Я не могу понять, почему исчез Сергей, – произносит Семен, ни к кому конкретно не обращаясь, но его взгляд останавливается на мне.

– Подумай сам, – пожимаю плечами, – кто после смерти исчезает.

– Твари, – сразу отвечает Рыжий.

– Ты сам ответил на свой вопрос.

– Угрюмый не мог быть тварью, – зло реагирует Семен.

– Почему же?

Я вижу, что Рыжий готов сказать что-то резкое и грубое, но в последний момент сдерживается, замирает и, резко выдохнув, отворачивается в сторону. Соня и Катя неверяще смотрят на меня, а взгляд Клауса, как обычно, ничего не выражает.

– Нет, Угрюмый не мог быть тварью, – поворачивается Семен, – он пользовался своим оружием – стрелял в монстра, который ранил его.

– Ты уверен? – быстро переспрашиваю я, быстро соображая, что же это значит, и понимая, что мои предыдущие предположения и выводы оказались поспешными.

– Абсолютно, – твердо отвечает парень.

Выбрасываю недокуренную сигарету и встаю со стула.

– Скажи мне, – обращаюсь к нему, – что ты помнишь последнее из того, что было до того, как ты здесь оказался?

Я спокойно встречаю скрестившиеся на мне удивленные взгляды ребят.

– Ты имеешь в виду этот сон?

– Да.

– Странный вопрос. Ладно... Прежде чем оказаться здесь, мы были в сне, где и получили подсказку, куда нам следует двигаться дальше, и как выглядит выход из этого мира. По-моему, это должна быть зеленая дверь.

– Хорошо, – киваю я, когда Рыжий, ответив на вопрос, выжидающе уставился на меня, – Ты можешь рассказать, чем ты занимался сегодня днем, наяву, и что ты планировал делать, когда проснешься?

– Конечно, – хмыкает он, – я сегодня...был... Сегодня днем я...

Его брови сдвигаются, а взгляд затуманивается, когда Семен пытается вспомнить события минувших суток.

– Что за...? – а в следующую секунду он с тяжелым стоном опускается на землю, где стоит, и обхватывает голову руками. Соня моментально оказывается подле него.

– Что с тобой? Семен, ты меня слышишь?

Рыжий мычит что-то нечленораздельное, а я шагаю к нему, приседаю, хватаю за плечи и с силой встряхиваю, заставляя распахнуть плотно сжатые веки. Мутные от боли зеленые глаза несколько секунд непонимающе смотрят на меня, а потом в них мелькает тень узнавания, и Рыжий шумно выдыхает.

– Выпей, – протягиваю ему пластиковую бутылку с водой.

Семен выхватывает ее у меня из рук, срывает колпачок и жадно припадает к горлышку, в несколько долгих глотков опустошая ее содержимое.

– Как ты?

– Не знаю, Макс... Хреново мне что-то, – выдыхает он, переводя дыхание, и спрашивает, изменив тон, – Ты знал, что так будет?

– Я догадывался.

– У тебя то же самое?

– Да.

– И что это значит?

– Хотел бы я знать.

– Может, у девочек получится? Или у Клауса?

– Может быть, – отвечаю я, хотя уверен, что реакция на попытку что-либо вспомнить у них будет та же.

Соня, прислушивающаяся к нашему диалогу, встречает мой взгляд и говорит:

– Я попробую, – и закрывает глаза.

Я успеваю подняться на ноги и подхватить ее оседающее тело. У девушки вырывается болезненный стон, и я, как и в случае с Рыжим, встряхиваю ее за плечи. Действует – Соня распахивает глаза и через несколько секунд приходит в себя. Она благодарно кивает и берет из моей руки бутылку с водой.

– Катя? – Семен вопросительно смотрит на нее.

Ее реакция на попытку вспомнить что-либо из жизни наяву ничем не отличается от нашей, и спустя какое-то время, когда девушка уже пришла в себя, она срывающимся голосом вдруг выдает:

– Я хочу домой! Я хочу домой! Выведите меня отсюда! Я не хочу здесь умирать! Я хочу домой! Выведите меня!

Соня порывается встать, чтобы успокоить подругу, но я удерживаю ее. Семен хмурится, но я уже не вижу этого. Шагаю к Кате, которая шарахается от меня, но так и не успевает достаточно далеко отстраниться. Слезы и страх в ее глазах неожиданно сильно задевают меня. Я тяну ее к себе и через мгновение прижимаю к своей груди. Она на миг замирает, напрягается, но почти сразу успокаивается и тут уже дает волю эмоциям. Девушка вздрагивает от плача и

громко всхлипывает, а потом даже пытается вырваться, но я держу ее до тех пор, пока сам не чувствую, что она достаточно успокоилась. Кажется, Клаус хмыкает, но я не обращаю на него внимание. Я хочу только, чтобы Катя прекратила истерику.

– Прости, – шепчу в ее каштановые волосы. Девушка отстраняется от меня, и я более не удерживаю ее. Она заглядывает мне в глаза, и я снова повторяю, – Прости.

Несколько долгих секунд она смотрит на меня, высоко вскинув брови, отчего ее небольшое круглое личико кажется совсем детским, а потом медленно и почти незаметно кивает несколько раз.

– Я был не в себе, когда позволил поднять на тебя руку, – негромко говорю я, – Клянусь, последнее, что я хотел, это причинить тебе боль.

Катя следит за моим взглядом, который я бросаю на Клауса, сдвинувшегося с места и направившегося к дальней стене здания, за которой открывается вид на площадь с белым фонтаном, а потом снова смотрит на меня и со вздохом роняет:

– И ты меня извини. Я не должна была так на тебя набрасываться. Просто я очень испугалась, что вы с ним, – кивок в сторону Клауса, – начнете выяснять отношения, и дело закончится плохо.

Соня подходит к нам, обнимает Катю за плечи и протягивает ей бутылку с водой.

– Выпей.

– Спасибо, – благодарит девушка и здоровой рукой принимает ее.

Соня одобрительно мне кивает и усаживает Катю на раскладной стул, который сама «достает». Смешно выпятив нижнюю губу, она резко дует вверх, где ее светлая челка выбивается из-под вязанной шапки и лезет в глаза.

– Клаус! – зовет Семен, – А ты что скажешь?

– Ты о чем? – поворачивается к нему парень.

– Ты можешь что-нибудь вспомнить?

– Да, – спокойно отвечает тот, и также невозмутимо встречает направленные на него взгляды.

– И что же ты помнишь? – чуть более напряженно, чем нужно интересуется Рыжий.

– Все, – следует короткий ответ, и Клаус снова отворачивается к окну, выходящему на площадь.

– А именно, – спрашиваю уже я.

– Как мы девять дней блуждали по мирам в поисках дальнейших проходов-дверей, – отвечает парень, бросив на меня взгляд, в котором мне привиделась насмешка. Или показалось? – Как я хожу днем в свою школу, у меня, кстати, послезавтра контрольная по математике. – Он уже в открытую ухмыляется, вспомнив, видимо, наше первое занятие в классе Марины Яковлевны.

– То есть ты хочешь сказать, что никаких проблем при попытке что-либо вспомнить у тебя не возникает, – переспрашиваю я еще раз.

– Именно это я и говорю, – кивает он, но задать свой новый вопрос я не успеваю, потому что Клаус сам спрашивает меня, – А ты помнишь что-нибудь?

Говорить или нет?

– Помню, – отвечаю, – кое-что.

– И что же? – его серые глаза с искренним интересом следят за мной.

– Я помню, как должен выглядеть выход из этого мира.

– Это и без того известно.

– Известно, – не спору, – но я прекрасно помню, что этот экзамен мы уже сдали.

– Ты это о чем? – вставляет Семен, и теперь они все смотрят на меня.

– О том, что пятнадцать лет назад мы все вместе сдали этот экзамен и стали Плетущими.

– Пятнадцать лет?! – восклицает Рыжий, а у Сони вырывается изумленный вздох.

– Это так, – твердо отвечаю я. – Пятнадцать лет назад мы уже были здесь.

– Макс, ты головой не ударялся? – Семен недоверчиво смотрит на меня.

– Допустим, – вдруг совершенно серьезно говорит Клаус, – допустим, ты прав, хотя мне с трудом верится в подобное. Но тогда каков смысл нашего здесь пребывания? Для чего мы снова оказались в этом месте спустя, как ты говоришь, пятнадцать лет? И почему никто, кроме меня, ничего не помнит? И как мы здесь все вместе оказались?

– Я и сам хочу знать ответы на эти вопросы, – и добавляю, – как жажду выяснить, по чьей вине тут оказался я и вы все.

– Нет, ты что, серьезно? – недоумевает Рыжий, – Ты серьезно веришь в то, что говоришь?

– Абсолютно.

– Предположим, – говорит Клаус, не давая Семену сказать, – что все обстоит именно так, как ты нам рассказываешь. В любом случае, чтобы покинуть этот сон, нам нужно найти выход из него...

– Зачем? – в свою очередь перебивает его Рыжий.

– Что? – поворачивается к нему Клаус.

– Зачем искать выход? Можно ведь и так уйти отсюда.

– Я уже пытался, – говорю ему я, – и у меня ничего не получилось.

– Да ну.

– Ну да. И «созерцать» я также не могу. Пробуй сам.

На какое-то время разговор утихает, когда ребята прикрывают глаза, видимо, пытаюсь «созерцать» или даже уйти отсюда.

– Ничего не понимаю, – Соня первой нарушает молчание, – у меня ничего не выходит.

– Как такое возможно? – не то растерянно, не то требовательно спрашивает меня Семен.

– Я не знаю, – развожу руками и обращаюсь к Клаусу, – а ты можешь «созерцать»?

– Нет, – качает он головой.

– Никогда и ни о чем подобном я раньше не слышала, – негромко произносит Соня, а у Кати предательски заблестели глаза.

– Значит так, – твердо говорю я, – давайте будем думать обо всех странностях, что с нами сейчас происходят, после того, как мы выберемся отсюда. Сейчас нам нужно искать выход из этого мира.

– Правильно, – поддержка Клауса кажется мне непривычной, – ты говорил, что помнишь, как мы сдавали этот экзамен.

– Помню. Выход из этого мира должен выглядеть, как зеленая дверь в белой стене. Она находилась в здании очень похожем на то, что стоит по ту сторону площади, – взмахом руки указываю направление, – Для того, чтобы добраться до выхода, нужно подняться на пятый этаж ратуши. Так мы ее называли.

– Твари? – бросает Семен.

– Тварей было много, но мы со всеми справились, и никто из нас не пострадал, разве что Сергей подвернул ногу, – Я молчу об исполинском монстре, который едва нас всех не достал, а Клаус так и не смог добраться до зеленой двери. Я отчаянно надеюсь на то, что мы сможем быстро найти зеленую дверь и покинуть это странное место.

– Так давайте закончим с этим, – решительно рубит воздух рукой Рыжий.

Неожиданно для себя я оказываюсь в центре внимания и понимаю, что последнее слово остается за мной.

– Нам нужен отдых, – наконец говорю я, – Десяти минут хватит. Проверьте оружие, одежду и обувь. Подкрепитесь и попейте воды – потом на это не будет времени.

Багровые небеса над головой меняют свой цвет, окрашиваясь в светло-зеленые тона. Непривычный и необычный свет придает этому негостеприимному миру новые оттенки, пугающие и зловещие.

Подчиняясь привычке, в который уже раз пытаюсь «созерцать», чтобы оглядеться, но у меня ничего не получается. Ловлю на себе изучающий взгляд Клауса, что стоит сейчас у окон, выходящих на площадь и необычный фонтан на ней. Он призывно кивает мне, и я подхожу к нему. Какое-то время мы стоим рядом друг с другом, глядя на здание по ту сторону площади. Рыжий занял позицию у противоположной стены, за которой находится внутренний двор, а Соня хлопочет с Катей.

– Странный фонтан, – Клаус первым нарушает молчание.

Я не отвечаю, глядя на него. Парень смотрит на площадь, но взгляд его затуманен, какой бывает обычно у глубоко задумавшихся людей.

– Знаешь, Оружейник, – негромко роняет он, – там, на развалинах, я едва не убил тебя.

Клаус говорит совершенно спокойно и невозмутимо, словно пересказывает сюжет прочитанной книги.

– Только один человек может называть меня так, как совсем недавно это сделал ты. И я не могу сказать, что мне не нравится это имя, – его губы раздраженно кривятся.

Я слушаю его молча, хотя, сказать по правде, хочется ответить ему что-то вроде: «Что же ты не попробовал?» Признаться, мне просто любопытно, что же он хочет мне сказать. На какой-то миг я ловлю себя на мысли, что попросту соскучился, иначе не скажешь, по общению с ним. Столько лет Клаус был для меня мертв, а сейчас он стоит рядом, только руку протяни. И еще как-то вдруг я решил для себя, что сделаю все, чтобы в этом сне, на этом экзамене, не допустить его гибели. Видимо, что-то отражается на моем лице, тень неожиданных для Клауса мыслей, потому что он говорит, похоже, совсем не то, что хотел:

– Ты изменился, Максим. Очень. Я говорю сейчас с тобой и не чувствую от тебя никакой угрозы, как это бывает обычно. И в тебе нет злости.

– Не переживай по этому поводу, – отвечаю я сухо, – Угрозы ты не чувствуешь, но это значит, что я ее не демонстрирую.

– Нет, – перебивает он, – я знаю, о чем говорю.

В ответ я лишь пожимаю плечами, оставляя за Клаусом право думать, как ему хочется. Конечно, никакой злости я к нему не испытываю, но это вовсе не значит, что с ним следует вести себя, как с другом. Все еще неясно. Да и то, что он не чувствует от меня угрозы – хорошо. Тем неожиданнее для него будет кара в том случае, если Клаус, или то, что скрывается под его обликом, только даст повод для этого. А он смотрит на меня с каким-то непонятным выражением. Черт бы его побрал с этой невозмутимостью! Я уже и забыл, как трудно «читать» его.

– Ты же ведь знаешь, почему у меня нет блока памяти, и я все помню? – на миг маска невозмутимости слетает с его лица, являя жадный интерес, – Не так ли?

– Возможно, – отвечаю я.

– Ты можешь поделиться со мной своими мыслями?

Нет никакого желания рассказывать Клаусу о том, что он мертв. Я просто не знаю, как он среагирует на это известие.

– Давай сделаем так, – предлагаю, – Я расскажу тебе все, что ты захочешь знать, но только тогда, когда мы найдем точку выхода, не раньше.

– Я понимаю смысл твоего предложения, – не сразу отвечает он, – и соглашаюсь с твоим условием: как только мы найдем зеленую дверь, ты ответишь на все мои вопросы.

Фонтан на площади поражает своей неестественной, чужеродной и стерильной белизной, но пытаться разведать и проверить его нет никакого желания. Хочется только одного – поскорее выбраться из этого странного сна и сделать это по возможности без потерь: быстро и как можно тише. Низкие и словно раздувшиеся тучи, вскипая и пучась, стремительно текут по небу. Беззвучные вспышки где-то в самом их сердце вспыхивают часто и густо. Светло-зеленый свет, что исходит от них, придает окружающему пейзажу еще более неестественный вид,

чем это вообще возможно. Тишину этого мертвого мира нарушают лишь шорох оберток из-под шоколадных батончиков, что едят ребята, и их негромкие голоса.

Нельзя забывать, что где-то здесь присутствует еще и огромный змей, чьего внимания совсем не хочется привлекать – уж слишком он кажется неуязвимым, а заниматься организацией грамотной засады на него и вовсе не хочется. К слову, немного странно, что он не появился, привлеченный звуками боя. От воспоминаний об исполинском монстре сразу становится тревожно и неудобно. А ведь мы даже не сменили позицию по окончании боя! Я отваливаюсь от стены, собираясь поторопить друзей и как можно быстрее двинуться дальше, но в этот момент Клаус, не сводящий с меня своих светло-серых глаз, вдруг резко вскидывает руку и хватает меня за предплечье. Не обращая внимания на пистолет, упершийся ему в грудь, он тихо, едва слышно, но с напором произносит:

– Ментальный блок – это плохо. Невозможность что-либо вспомнить – хуже. Но еще хуже знать, что ты можешь оказаться вовсе не собой, а черте чем: плодом чьей-то фантазии, вымыслом, миражом с еще какой-нибудь гадостью в виде заложенной программой действия на случай... на какой-то определенный случай.

Я убираю пистолет и прячу его в кобуру на бедре. Голос Клауса, несмотря на его тихий тон, звучит горько и одновременно предостерегающе. Признаться, никогда раньше я не сталкивался с созданиями, так похожими на людей, как Клаус, и способными плести. На это способны лишь Стражи. Он Страж? Если да, то чей?

– Угрюмый, – он запинается на полуслове, – Сергей жаловался мне на сильные головные боли.

Клаус отпускает мою руку и уже совершенно спокойно добавляет:

– Возможно, все обстоит совсем иначе, чем мы можем себе представить. Не забывай этого. Нельзя верить своим глазам.

Какая-то мысль, совершенно сумасшедшее озарение, вспыхивает на невероятно короткий миг в голове, и все становится предельно ясно. Ответы на все вопросы всплывают в моем болезненно сжимающемся мозгу. А через удар сердца такая знакомая боль сжимает виски. Она пульсирует и усиливается, не собираясь успокаиваться. Прежде чем окунуться в спасительное беспмятство, я с горечью успеваю осознать, что такое желанное озарение уже оставило меня, снова выкинув на просторы неопределенности. Вспышки боли настолько сильны, что не дают сознанию угаснуть полностью. Кажется, это Клаус подхватывает меня под руки, не давая упасть, когда ноги предательски подгибаются. Поддерживая, он укладывает меня прямо на землю. А потом пронзительные голубые глаза, полные тревоги, заслоняют собой полмира, и челка светлых волос упрямо в них лезет. Соня что-то спрашивает меня, но шум в ушах не дает мне расслышать, что именно. Сердитые тучи в небе озаряются изнутри странными зелеными вспышками. По-моему прошло несколько секунд или, может быть, часов, когда, словно сквозь толстый слой ваты, до меня доносится глухой крик кого-то из ребят:

– Тревога! Нападение! К бою!

Глава 5

Муть в голове не дает толком сосредоточиться, а тиски боли все никак не ослабевают своего давления. Какие-то тени проносятся мимо меня, и девушка надо мной следит за ними взглядом, порывается ринуться вслед, но вместо этого снова смотрит на меня и что-то говорит. Видимо, поняв, что я не слышу ее, Соня хватается за мое плечо, трясет и еще ниже опускается к моему лицу. С трудом узнаю в появившихся негромких хлопках выстрелы. Что же мне так плохо-то? Проклятая боль не желает успокаиваться. Нет, нельзя просто так сдаваться. Превозмогая страшную слабость, я перекачиваюсь на бок. Упираясь в сухую землю руками, я пытаюсь встать. На секунду мне даже кажется, что боль утихает. Что-то влажное попадает в глаза, и я не сразу понимаю, что это мой собственный пот. Дрожание руки складывается в локтях, и я снова оказываюсь на земле, но только уже лицом вниз. Все! Нужно передохнуть, сил вообще нет, даже повернуться на спину. Похоже, что боль прошла, потому что голова почти не болит, но мне едва ли от этого легче. Меня начинает колотить, нет, это кто-то трясет меня за плечи. Плевать! Я устал и ничего не хочу ни видеть, ни слышать. Я хочу только отдыха и покоя. Ну наконец-то – меня перестали дергать и трясти за плечи, и теперь можно нормально отдохнуть. Я устало смеживаю веки, а через мгновение вдруг начинаю тонуть! Как я мог оказаться в воде?! Она попадает мне в рот, в нос, заливая уши, глаза. Я чувствую, что нечем дышать. Тело реагирует само, выбрасывая себя из воды. Откашливаясь и отплевываясь, не сразу понимаю, что вовсе не тону – это Соня поливает меня водой из бутылки. Неожиданно громко раздается грохот очередей: пулеметных и автоматных.

– Граната! – орет кто-то, по-моему, Семен.

Снова оказываюсь на земле, и в следующий миг земля вздрагивает. Он, что, РГД использовал? Это же наступательная граната!

– Ты как?! – кричит мне в лицо Соня, заглядывая в глаза. – Что с тобой?! Максим, ты в порядке?!

Коротко киваю ей, с удивлением отмечая про себя, что действительно чувствую себя вполне удовлетворительно, только в руках – слабость, да голова немного кружится, но это все мелочи на самом деле. Девушка еще секунду изучает меня, а потом вскакивает на ноги и рывком оказывается у одного из окон, выходящих на площадь с фонтаном. Она передергивает затвор своего автомата и, не медля, открывает огонь по неведомому противнику. Пулемет в руках Семена умолкает, и он отпускает его из рук, прикрывает глаза, сосредотачиваясь на «воспроизведении» нового. Я уже на ногах, хотя и не могу сказать, что встать у меня получилось легко. После миновавшего неожиданно сильного приступа ощущения у меня не из лучших, хотя и нельзя сказать, что я плох настолько, чтобы не мог удержать в руках оружие. Оглядываюсь. Катя твердо стоит на ногах, но участия в бою не принимает – она контролирует наш тыл, следя за тем, чтобы ни одна тварь не подобралась к нам сзади. Соня расстреливает свой магазин слишком быстро, но вместо того, чтобы «достать» уже заряженный автомат или хотя бы сменный магазин, просто роняет на землю свой Калашников, одним движением выхватывает из кобуры на бедре пистолет, передергивает затвор и открывает из него заполошный огонь, одновременно отступая от окна. Уже скидывая свой Абакан, замечаю, как Рыжий снова вступает в бой, держа в руках пулемет.

– Перезарядка! – кричит Клаус, а я шагаю к Соне, и в тот же миг вижу тварь, что оказывается в оконном проеме. Автомат в моих руках оживает, выплевывая короткую очередь. Я оттираю плечом девушку в сторону и делаю еще шаг к стене. Ни в коем случае нельзя терять этот рубеж. Справа от меня Клаус уже снова готов к бою и открывает огонь из нового автомата. Еще через секунду я сам оказываюсь у окна и теперь могу толком разглядеть нападающих на нас тварей. Больше всего они напоминают крабов, да они, наверное, ими и являются, вот

только других размеров. Их красные панцири почти метр в диаметре, и у них не одна, а две пары угрожающего вида клешней. Насколько я помню, обычные крабы передвигаются боком, эти же перемещаются прямо. И еще они прыгают. Невысоко, но достаточно, чтобы запрыгнуть в окно. Все пространство за стеной здания скрыто пылью, которую поднял в воздух усилившийся ветер, и крабы, выныривают из пылевой завесы в каких-то полутора десятках метров. Тем не менее, кинжальный огонь из двух стволов, что ведут парни, останавливает продвижение монстров, и я, пользуясь возможностью, с предупреждающим криком швыряю пару светошумовых гранат. Ребята отпрядают от окна и укрываются за стеной. Бухает два раза. Быстро выглядываю. Проклятье! Никакого эффекта! Крабы как двигались, так и двигаются.

Я останавливаю Сою, готовящуюся открыть огонь из своего автомата, и показываю на парней.

– Страхуй! – она кивает, правильно меня поняв.

Я присоединяюсь к Семену и Клаусу, и вместе мы довольно споро очищаем пространство перед стеной, насколько позволяет ограниченная видимость. Хорошо, хоть наша позиция находится с наветренной стороны, иначе вести бой в условиях, когда еще и пыль летит в лицо, было бы затруднительно. Автомат с опустевшим магазином падает из моих рук на землю, и через несколько секунд я уже сжимаю в них две металлические сферы. Долой чеки!

– Бойся! – кричу я и кидаю гранаты в крабов. Приседаю за стеной, прячу голову в плечи, закрываю уши руками и открываю рот. Спиной чувствую, как от двойной ударной волны вздрагивает стена, к которой прислоняюсь спиной. Это вам не РГД. Это РГО, то есть ручная граната оборонительная с семьюстами осколков каждая. Спешно вскакиваю на ноги, уже сжимая в руках новый Абакан. Ветер относит дым от двойного взрыва, и сразу становится ясно, что практически все нападающие на нас твари уничтожены.

– Класс! – это Семен радуется. – Макс, чем это ты их?! Давай еще парочку!

Я не обращаю на него внимания, поглощенный наблюдением за выжившими крабами. Они кажутся дезориентированными или оглушенными, потому что не спешат нападать на нас.

– Макс! Ну ты уснул, что ли?! – Рыжий все не может успокоиться.

– Не шуми, – бросаю я, не поворачивая головы.

Неожиданно ветер расчищает все пространство перед нами, вплоть до самого фонтана, открывая нашим взорам его неестественно белоснежные чаши. Невольно вздрагиваю от неожиданности, когда рядом начинает работать пулемет. Я громко ругаюсь, но вряд ли виновник слышит меня. Фонтанчики грязно-бурой в зеленом свете земли тянутся к крабам, достигают их и начинают рвать тварей на части. А монстры, словно определившись с направлением атаки, моментально переходят в наступление, стремительно сокращая дистанцию. Прежде чем использовать новую пару гранат, я все же успеваю зафиксировать появление новых монстров.

– Они лезут из фонтана! – Клаус пытается перекричать грохот пулеметных выстрелов.

Нельзя сказать, что я удивился, когда увидел, как из нижней, самой широкой чаши фонтана выпрыгивают крабы. В следующий раз, когда использовал гранаты, я попытался докинуть их до белоснежного сооружения, но, к сожалению, ни разу не попал. Особо не раздумывая, перехватываю автомат для стрельбы из подствольного гранатомета. Там у меня заряжена тушка ВОГ-17. Глухо хлопает, и, оставляя дымный след, граната попадает почти туда, куда я и целил: чуть правее основания самой большой чаши. Удивительно, но стремительно надвигающиеся на нас крабы вдруг замедлились, а после второго попадания гранатой по фонтану, вовсе остановились, замерли. Семен и Клаус, как в тире, расстреливают монстров, пока я, использовав семь гранат, полностью не разваливаю белоснежное сооружение. Словно по команде, ветер утихает, как умолкает и наше оружие. За несколько минут все оказывается кончено, и больше не видно ни одной твари-краба. На месте столь необычного и красивого белого фонтана сейчас возвышается гора грязно-серых обломков.

Семен кричит что-то радостное, пока стоящий рядом с ним Клаус не шикает, призывая к тишине. Это все нервное. Как, впрочем, и состояние Сони. Она сползла вниз, на землю, и сидит сейчас, прислонившись спиной к стене. Руки девушки заметно дрожат, и я опускаюсь рядом с ней.

– Как ты?

– Бывало и лучше, – отвечает. – Спасибо.

Протягиваю ей воду, и она с благодарностью принимает ее. Рыжий уже успокоился, подошел к нам и сел рядом с Соней. Катя, придерживая здоровой рукой повязку, подошла ближе.

– Пять минут на отдых, – говорю я негромко, – и в путь. Мы итак здесь нашумели.

– Пойдем в это здание? – Клаус взмахом руки указывает на ратушу на другой стороне площади.

– Да, – киваю, а потом добавляю, – Нам нужно двигаться максимально тихо, чтобы не привлекать к себе внимание тварей.

– Если они нападут, тихо не получится, – возражает Семен.

– Почему нет? Достаточно использовать глушители.

– Неплохо придумано, – поддерживает Клаус, – только оружие станет громоздким и неудобным.

Действительно, если накрутить на ствол Калашникова глушитель, автомат значительно теряет в мобильности. Однако идея, возникшая у меня, достойна ее воплощения.

– Клаус, – обращаюсь я к парню, – тебе знаком Вал?

– Нет, но я видел, как ты из него стрелял.

Ну да, устройство этого автомата мне удалось узнать примерно за два года до выпускного экзамена. Спасибо Егору Дмитриевичу, нашему Учителю по боевой подготовке, именно благодаря ему, я смог изучить это во всех отношениях отличное оружие.

– Смотри сюда, – говорю Клаусу.

Передо мной появляется легкий пластиковый стол белого цвета. Спустя еще какое-то время мои руки напрягаются под приятной тяжестью автомата. Не спеша и объясняя свои действия, я полностью разбираю Вал, раскладывая на столе все его комплектующие. Клаус схватил все сразу, благо устройство этого автомата во многом идентично устройству досконально изученного Калашникова.

– Удобный, – удовлетворенно говорит он, перекидывая через шею ремень своего Вала, отличающегося от моего лишь отсутствием коллиматорного прицела и немного другим по форме прикладом.

К сожалению, ни Семен, ни девочки не смогли в такой короткий срок освоить новое для них оружие, поэтому вместо Валов они держат укороченные, без прикладов, Калашниковы с навинченными на них трубами глушителей. Только Катя из-за поврежденной руки идет без автомата, но в ее набедренной кобуре находится пистолет с глушителем.

– Как пойдём? – спрашивает Клаус.

– К ратуше двинем домами, – отвечаю и снова выглядываю в окно. – На площадь выходить не будем – велик шанс, что нас заметят.

Ребята кивают. Они уже готовы идти дальше.

– Первым иду я, – оглядываю друзей, – за мной – Семен, Катя и Соня, замыкающим – Клаус.

Они собраны и сосредоточены, даже Катя перестает болезненно морщиться от боли в раненной руке. Такими они мне нравятся. Такие достигают цели.

Без особых проблем и задержек мы двигаемся сквозь развалины зданий, окружающих площадь по периметру. Фонтан, еще совсем недавно белый и красивый, так и лежит на земле грудой грязно-серых обломков. И это, признаться, радует. За тот неполный час, что мы добрались до стен ратуши, мы так и не увидели ни одной твари. Лишь однажды до нас донесся

звук, больше всего походящий на волчий вой. Он не повторялся, а мы лишь ускорили темп передвижения, насколько это было возможно не в ущерб собственной безопасности.

Странные сердитые тучи продолжают озаряться изнутри беззвучными зелеными вспышками. Скорость, с которой движутся по небу эти угрюмые и косматые лохмы впечатляет.

Здание, к которому мы так стремимся, уже совсем близко, но тут нам приходится столкнуться с неожиданной преградой в виде высоко расположенных окон первого этажа. Так просто нам через них не перебраться, нужна лестница. До ратуши – около тридцати метров открытого пространства. До виднеющегося с нашей позиции дверного проема, к которому ведет каменная лестница с широкими ступенями, – примерно полсотни метров, а до ближайшего угла здания – все сто. Можно попытаться попасть внутрь и с обратной стороны, но, как мне кажется, там мы столкнемся с такими же высоко расположенными окнами. Я так и говорю об этом ребятам.

– Мы можем проникнуть внутрь по приставной лестнице, – предлагает Клаус, – что-то не хочется идти через центральный вход.

– А Катя? – переспрашивает Соня.

– Поможем. Не так уж и высоко нужно лезть.

– Я думаю, можно рискнуть, – высказывается Семен, – тем более неизвестно – может быть, с окон внутрь тоже придется слезать по лестнице, и тогда мы станем очень легкими целями, особенно если кто-то ждет нас внутри.

Клаус и Рыжий, и девочки смотрят на меня в ожидании ответа. Как же не хочется выходить на открытое пространство, а тем более бежать эти полсотни метров до зияющего темным провалом входа. За сколько времени мы сможем добежать до него? За полминуты? А если как раз в этот момент на площади появятся твари? С другой стороны, Семен совершенно точно подметил, неизвестно, как нам придется спускаться внутрь с окон, если мы заберемся в них по приставной лестнице. Я как представляю, что вот мы по одному взбираемся в окно, «достаем» новую лестницу, если там высоко, спускаем ее вниз, начинаем так же по одному слезать по ней на пол, и тут появляются твари, и хорошо, если только с одной стороны, а не сразу с двух. И что тогда?

– Сделаем так, – говорю, – Я сейчас выясню, как высоко расположены окна изнутри здания, а вы ждете здесь. Дадите знать, если вдруг заметите тварей.

Соня хочет что-то возразить, но ее опережает Рыжий:

– Я тебя подстрахую.

Клаус одобрительно кивает на мое предложение и произносит:

– Мы с девочками проследим за территорией.

В последний раз внимательно оглядываю площадь и окружающие здания. Нет, никого и ничего.

– Готов? – спрашиваю Семена.

– Готов, – сразу следует ответ.

– Тогда вперед!

Легкую алюминиевую лестницу мы несем вдвоем. Стена здания уже совсем рядом.

– Давай! – бросаю Рыжему.

На ходу перехватываем лестницу и вскидываем ее вверх. Крючья на ее вершине с негромким скрежетом фиксируют лестницу в оконном проеме. Прежде чем взбежать по ступеням, «достаю» пару химических светильников, разламываю их и зашвыриваю в темнеющее окно.

– Гляди в оба! – бросаю Семену, вбираясь по узким ступеням.

Как могу, быстро преодолеваю примерно четырехметровую высоту и осторожно заглядываю внутрь. Освещая небольшое помещение, на полу ровным зеленым светом горят оба светильника. Показываю Рыжему большой палец и забираюсь внутрь. Здесь лестница не нужна – до пола чуть больше метра. Прямо напротив меня темнеет дверной проем, ведущий из этой комнаты. Сухой воздух не пахнет ничем. В этом помещении пять окон. Я отхожу от своего

и замираю на несколько секунд, вслушиваясь в тишину. Включаю фонарь, закрепленный на автомате, и выглядываю в дверной проем. Там – коридор, разбегающийся влево и вправо. Пусто и тихо. Насколько я помню, лестница должна быть где-то с задней стороны здания, но бродить по улице, чтобы обойти ратушу может оказаться слишком опасной затеей. Я еще помню о гигантском змее. Будет лучше, если мы сразу проникнем в здание и доберемся до лестницы наверх изнутри. Уже подходя к окну, через которое я попал сюда, снова слышу тот же вой. Мне кажется, или он звучит ближе? Неважно, сейчас нужно поспешить.

– Семен! – громким шепотом зову друга.

– Что? – поднимает ко мне лицо.

– Зови остальных. Здесь все нормально.

– Понял.

Одно за другим в окнах ближайшего здания появляются лица ребят, ждущих от нас новостей. Я не смотрю на Рыжего, но и так понятно, что сейчас он жестами призывает их поспешить. Стараясь не маячить в окне, я оглядываю площадь, внимательно изучая дом за домом, но нет, в поле зрения так никто не появился, пока ребята бежали к нам, и пока они по одному поднимались по лестнице, исчезнувшей в воздухе, как только Клаус, идущий последним, взобрался по ней.

– Что тут? – выдыхает Семен.

– Пока все спокойно, – отвечаю ему, – тварей не видно.

– Куда дальше?

– Насколько я помню, лестница, ведущая наверх, находится у противоположного края нашего здания.

– Двигаем?

– Да, порядок тот же: я – впереди, за мной ты, Катя и Соня. Клаус идет замыкающим.

Если уже отдышались, то выступаем.

Они кивают по очереди, подтверждая свою готовность двигаться дальше. Растянувшись в цепь, мы выбираемся в коридор и отправляемся в сторону центрального входа. Дверные проемы, зияющие темными прямоугольниками слева, ведут в темные замкнутые помещения. Несколько раз до нас доносится знакомый уже вой, но толстые стены здания мешают определить, стал ли он ближе. Наконец, спустя почти полчаса осторожного передвижения коридор, по которому мы идем, выводит в невероятно просторное помещение с очень высоким потолком. Мощные колонны, кажется, совсем не пострадали от времени. Они взмывают высоко вверх, и там, на высоте четвертого этажа, упираются в потолок. Из этого огромного холла на улицу, под зеленые небеса, выходит широкий и высокий дверной проем, тот, который мы видели с улицы. Почти от самого порога поднимается серпантинном широкая каменная лестница. Повторяя очертания зала, она тянется вверх вдоль стен. Анфилады верхних этажей полукругом охватывают холл, кроме стены, выходящей на площадь.

– А вот и лестница, – шепотом бормочет Семен.

– Что-то не так? – Соня первой замечает мое замешательство.

– Я не помню этой лестницы, – честно отвечаю я, – ее не было.

– Мне кажется, что сейчас это не так уж и важно, – так же шепотом высказывается Клаус. – Главное, что по ней мы сможем подняться на нужный нам этаж.

Звериный вой, очень похожий на волчий, раздается вдруг где-то совсем недалеко, и это решает все мои сомнения.

– Похоже, что твари приближаются, – быстро говорю я, – поэтому медлить не будем. Поднимемся по этой лестнице.

– Правильно, – кивает Семен.

Широкие и удобные для ноги ступени вблизи оказываются не такими уж хорошо сохранившимися. То тут, то там видны провалы и дыры. Клаус опережает меня буквально на несколько секунд, когда «достает» бухту каната.

– Перевяжемся, – предлагает он.

– Обязательно, – отвечаю за всех, и мы тратим какое-то время на то, чтобы организовать связку. Покончив с этим, мы ступаем на лестницу.

Все так же, растянувшись цепью, мы начинаем подъем по покрытым толстым слоем пыли ступеням. Приходится двигаться очень медленно, аккуратно перенося вес с ноги на ногу. Несколько раз пришлось обходить проваливающиеся прямо подо мной ступени, благо ширина лестницы это позволяет. Натужное пыхтение и сопенье друзей за спиной выразительнее и лучше всяких слов говорит о том, с каким напряжением им сейчас приходится справляться. Они ступают за мной след в след. Пару раз было слышно, как от лестницы отвалились куски и с грохотом упали на все отдаляющийся пол.

Мы уже поднялись на три этажа, и впереди остается изгиб лестницы, ведущий на четвертый. Дальше, видимо, придется искать другой путь наверх, но это не беда, главное, что мы ушли с улицы и заметно приблизились к цели нашего пути, ну а подняться еще на один этаж, на пятый, не должно составить особых трудностей. Межэтажные перекрытия, как я могу видеть с лестницы, сохранились на удивление неплохо, хотя нельзя сказать, что они находятся в идеальном состоянии. Признаться, я ожидал, что они будут разрушены сильнее, и это может в какой-то мере затруднить наше передвижение, когда мы покинем подъем. Я слишком засмотрелся по сторонам, и тотчас поплатился за невнимательность. С неприятным треском ступенька, на которую я поставил ногу, разламываясь на десятки осколков, просто ушла из-под нее. Я даже не успел толком испугаться, когда по самое бедро проваливаюсь ногой вниз.

– Макс, держись! – тут же выкрикивает Семен, но я быстро оборачиваюсь к нему и вскидываю руку в останавливающем жесте.

– Стой! Не подходи! Сначала я сам попробую выбраться.

Рыжий послушно замирает на месте, не сводя с меня тревожного взгляда. Осторожно, чтобы не спровоцировать дальнейшие разрушения, я пытаюсь вытянуть из дыры ногу, и мне это не сразу, но удается. Сквозь отверстие, из которого я выбрался, прекрасно виден неожиданно далекий пол. Ну да, высота потолков здесь совсем не та, к которой я привык, – метров по семь-восемь примерно. Оглядываюсь на напряженно замерших ребят и успокаивающе машу им рукой:

– Все нормально, – и так, чтобы они не видели, вытираю об одежду взмокшие ладони и смахиваю с глаз едкий пот.

По широкой дуге, насколько позволяет лестница, мы обходим опасное место и продолжаем подъем.

Глава 6

До последних ступеней осталось десятка полтора метров, когда напряженную тишину разрывает неожиданно близкий звериный вой. Его подхватывает сразу несколько глоток, и почему-то становится ясно, что неведомые твари взяли наш след. Соня или Катя, я не вижу, вскрикивает в страхе, а Семен, идущий за мной, сквозь зубы ругается. Я невольно оборачиваюсь и как раз вижу, как Катя в испуге бросается вперед и, естественно, натягивает трос, который тянется от нее к Соне. Та что-то кричит ей и пытается удержать канат руками. В этот момент в здание врываются твари. Мы их видим, и реакция следует незамедлительно. Теперь девочки вскрикивают одновременно и, не слыша предостерегающих криков Семена, рвутся вперед.

– Стойте! – кричу я, но меня не слышат.

Сохраняющий спокойствие Клаус как раз заносит ногу над очередной ступенькой, и в этот момент трос, идущий от него к Соне, натягивается и рвет за собой. Парень теряет равновесие, взмахивает руками и падает на лестницу, как подкошенный. Ненадежные ступени не выдерживают и начинают разваливаться прямо под ним. Все это происходит за несколько секунд, и никто ничего не успевает предпринять. Соня вдруг резко взмахивает руками и тоже падает на ступени. Катя успевает удивленно обернуться, прежде чем страховочный трос держит вниз и ее.

– Семен! Держи их! – кричу я, лихорадочно нащупывая на груди узел.

Решение приходит моментально. Даже если мы и сорвемся вниз, то вряд ли насмерть, а вот твари никуда не денутся. Поэтому я освобождаю себя из связки. Мне уже не видно Клауса – он провалился под лестницу, зато я вижу Соню. Она распласталась на краю провала, в котором исчез парень. Катя, широко раскинув руки и ноги, лежит на лестнице чуть выше. А Рыжий изо всех сил цепляется за трос, не давая тому скинуть себя с ног. Все это я охватываю взглядом за удар сердца и тут же переключаю внимание на тварей. Больше всего они похожи на вставших на задние лапы волков, вот только ростом они кажутся даже выше «горилл». Больше десятка монстров уже проникло внутрь здания, и они все продолжают прибывать. Быстрые и слишком уж резвые, твари моментально определяют наше местонахождение. Они тотчас начинают подъем по лестнице, стремительно прыгая по ступеням. Одним махом я преодолеваю оставшиеся до вершины подъема метры и, оказавшись на надежном полу, сажусь на пол, выбрав позицию для ведения огня. Изгиб лестницы предоставляет мне достаточно неплохой угол обстрела подъема. Еще через несколько секунд монстры, преодолев треть лестницы, оказываются как раз подо мной.

Красная точка коллиматорного прицела ловит тварь, и я открываю огонь. Щелкает почти неслышно, Вал толкает меня в плечо, и голова первого монстра взрывается облаком алых брызг. На этом моя стрельба с тщательным прицеливанием и прекращается. Я жму на спусковой крючок, практически не целясь, но эффективность огня от этого едва ли страдает, потому что тяжело не попасть по многочисленным тварям. Тяжелые девятимиллиметровые пули, предназначенные для выведения из строя техники противника и поражения живых целей, защищенных любым типом бронезилетов, наносит тварям ужасный урон. Попадания одной пули достаточно, чтобы остановить любого из этих монстров. Однако не все из них погибают, некоторые оказываются тяжело ранеными, они визжат и катаются по лестнице, сбивая других тварей. Помимо этого неожиданным препятствием для волков становится разрушающаяся лестница. Прямо под лапами монстров начинают обваливаться широкие ступени.

– Семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, – я считаю выстрелы и на девятнадцатом прекращаю огонь, оставив в стволе один патрон. Металлический цилиндр появляется в моей руке. Я выдерживаю чеку и с криком: «Свет!» – швыряю в тварей на лестнице светозумовую гранату,

вырывая у врага несколько секунд для перезарядки. Отворачиваюсь, закрываю уши руками. Гулко бахает, и я выпрямляюсь, сжимая в руке уже полный магазин. Выщелкиваю пустой, вставляю на его место новый. Шоковая граната вносит ожидаемую сумятицу среди тварей, но, к моему удивлению, они довольно быстро приходят в себя. Следя за ребятами краем глаза, я открываю. На ногах стоят уже и Семен, и Катя, а Соня вроде бы тоже поднимается. Они все, и Катя с ее раненой рукой тоже, тянут за трос, вытягивая из провала Клауса.

Я старательно считаю выстрелы и, оставив в стволе патрон, снова меняю опустевший магазин. Тварей не становится меньше. Успеваю бросить взгляд вниз, где у лестницы, ожидая своей очереди, толпятся злые монстры. Сколько же их там? Не меньше четырех десятков навскидку и еще примерно столько же на самой лестнице. Хорошо, что они хоть не воют, а штурмуют лестницу в тишине. Станный, почти беззвучный бой продолжается уже больше пяти минут. За это время я успеваю сменить семь или восемь магазинов, а ребята на лестнице практически вытягивают Клауса, уже видны его голова и плечи. А тварям приходится гигантскими прыжками преодолевать все ширящийся провал на лестнице, и новые ступени с грохотом рушатся вниз, не выдерживая веса многочисленных монстров. Наконец наступает момент, когда монстров остается не много, и новые в здании больше не появляются. Считаю патроны, выщелкиваю опустевший магазин и тут же вставляю полный. В очередной раз бросаю вниз короткий взгляд и успеваю увидеть, как несколько волков из основной массы, продолжающей толпиться у основания лестницы, вдруг срываются с места и исчезают из вида, скрывшись в коридорах первого этажа.

Проходит, наверное, еще минута, и от моей пули погибает последняя тварь-волк. Еще несколько раненных особей не в силах продолжить атаку ползает по полу и на лестнице. Я добиваю и их, меняю полупустой магазин на полный. Шарю взглядом по окнам на первом этаже и дверным проемам, но новые монстры так и не появляются. Уже поднимаясь на ноги, слышу за спиной какой-то невнятный шум, шорох и хруст камней. Тело реагирует само, моментально разворачивается, припадая на колено, а палец жмет на спусковой крючок уже вскинутого Вала. От перепуганной злости я открываю беспорядочный огонь и на трех волков, появившихся у меня из-за спины, я трачу едва ли не целый магазин. Последний из монстров падает в каком-то метре от меня. Его алые глаза стекленеют, и последняя судорога сводит истерзанное пулями тело. Трупы исчезают, оставив после себя лишь четко различимые в пыли следы на полу. Слишком спешно я меняю магазин на полный, но от внезапного страха не сразу могу попасть в приемник. Еще целую минуту я не могу отвернуться от зияющего темным провалом дверного проема, уходящего вглубь этажа коридора, из которого так неожиданно появились твари. Судя по всему, это были те из них, что отделились от основной массы на первом этаже и скрылись с глаз. Конечно, я помнил о них, но даже не мог предположить, что волки смогут так быстро добраться до меня. Нет, ничего, кроме голосов ребят на лестнице, не слышно. Все еще оглядываясь на темнеющий коридор, подхожу к краю лестницы. Семен с девочками последним рывком втягивают на ступени Клауса. Он глупо улыбается, а Соня радостно приветствует его.

– Ну ты и кабан... – выдыхает Рыжий и, подойдя к парню, помогает тому подняться на ноги. Неожиданно ступень, на которую встал Семен, с противным треском-хрустом разламывается, и он падает вниз. Клаус успевает ухватить его и удержать над провалом. Катя испуганно вскрикивает и пятится подальше от опасного места. Соня не двигается, расширенными от страха глазами глядя на ступени под своими ногами. А в следующую секунду целый участок лестницы, на котором находятся мои друзья, обваливается, увлекая их за собой. Слышу короткие вскрики. Я спешно покидаю продолжающие разваливаться ступени, на которые спустился, стремясь помочь ребятам. Затаив дыхание вслушиваюсь в неожиданную тишину, но так и не слышу грохота падающих камней. Появившийся сквозняк рвет поднышающую в воздух пыль, и я в немом изумлении гляжу вниз, не в силах поверить своим глазам. Нервный и истерический смех нарушает напряженную тишину, а я все смотрю на четырех ребят, пытаю-

щихся подняться с огромной подушки, оказавшейся под ними. Большие розовые сердечки на ее белоснежной наволочке еще больше добавляют нереальности происходящему, и тут начинает смеяться Семен. Он ржет, как лошадь, не в силах подняться на ноги и только держится за живот. Эхо разносит его безумный смех по всему зданию, а я пытаюсь утешить себя мыслью, что он не сможет покинуть его стены. Наконец, парень немного успокаивается и дает Клаусу помочь себе покинуть эту огромную и несуразную подушку. Все-таки ребятам здорово повезло, что ни один обломок из тех, что падали вместе с ними, не задел их и не нанес серьезной травмы.

– Эй! – кричу я вниз, и эхо искажает мой голос. – Как вы там?!

Один за другим упавшие поднимают головы.

– Нормально! – отвечает Клаус.

– Все целы?!

– Да!

Ребята оттряхиваются от пыли и оглядываются по сторонам.

– Вам нужно как можно быстрее подниматься!

Теперь они все смотрят на разрушенную лестницу, преодолеть которую нет никакой возможности.

– Постарайтесь найти следы тварей, которые поднялись другим путем!

– Каких тварей?! – Семен уже достаточно пришел в себя, чтобы нормально разговаривать.

– Которые напали на меня здесь!

Ненадолго повисает молчание, и Клаус, наконец, нарушает его:

– Хорошо! Мы постараемся найти их следы!

Ребята рассредоточиваются по холлу, занимаясь поиском следов. Спустя несколько минут тревожного ожидания до меня доносится возглас Сони. К ней тут же подбегают остальные, и Клаус, задрав голову, кричит мне:

– Мы нашли следы!

– Отлично! – отвечаю я и спешно добавляю, пока ребята не ушли, – Берегитесь щупалец!

– Что?! – переспрашивает парень.

– Бегите, если наткнетесь на огромных мокриц! – поправляюсь я, чтобы меня поняли правильно.

– Хорошо!

– Я пойду вам навстречу!

Они машут мне руками и скрываются из виду. Еще какое-то время я контролирую пространство внизу, но кроме шороха сквозняка, да звука собственного дыхания, ничто не нарушает тишину. Признаться, я испытываю немалое облегчение и даже радость от того, что в последней схватке никто из нас не пострадал. Конечно, мы сейчас разделены, но это не критично. Единственное, что заставляет меня постоянно находиться в нешуточном напряжении – это воспоминание о чудовищном монстре и его практически неуязвимых отростках-щупальцах. Естественно, я не могу не принимать во внимание тот факт, что это здание отличается от того, что я помню по экзамену, и даже нельзя исключать возможность, что здесь нет того исполинского чудовища. Но лучше ожидать худшее и быть к нему готовым.

Глава 7

Цепи звериных следов отчетливо видны в толстом слое пыли на полу коридора. Помимо фонаря, закрепленного на автомате, я включаю еще и тот, что «достав» закрепил на шлеме на шахтерский манер. Два узких ярких луча света шарят по грязно-серым стенам, потолку и полу, на котором отчетливо различимы вереница следов тварей. Сколько всего их покинуло холл внизу? Не могу сказать точно. На меня напали трое. Темные помещения за дверными проемами по обе стороны коридора утопают во мраке, и я старательно проверяю каждое, хотя следы на полу ясно говорят о том, что твари не разделялись и нигде не прятались. Я дышу ртом, чтобы звук собственного дыхания не мешал мне слушать. Впереди Т-образный перекресток. Следы уходят вправо за угол. Отхожу к левой стене и выглядываю в коридор справа. Никого, только темный проход. Слева же виден только черный прямоугольник дверного проема. Соблюдая все меры предосторожности, проверяю помещение за ним. Двигаясь по коридору, через равные промежутки оставляю на полу химические светильники, горящие ровным зеленым светом. Как хлебные крошки Гензеля, они отмечают мой путь. Я ступаю так тихо, как это возможно, высоко задирая колени и ступая с пятки на носок. Тяжело, но сейчас никто не прикроет мою спину, поэтому пусть лучше я перестараюсь с осторожностью, а отдохнуть еще успею. Вообще, создается такое ощущение, будто я не в здании, а где-то глубоко под землей – так темно вокруг, и ни в одном помещении по обе стороны коридора нет окон.

Я замираю на месте и медленно-медленно опускаю занесенную уже ногу. Что это было? Показалось? Непонятный шум больше не повторяется, но я жду целую минуту и, так ничего больше не услышав, продолжаю идти. Тьма обволакивает со всех сторон, но свет фонарей упорно отгоняет, заставляя жаться в углах и пустых провалах дверных проемов по сторонам. Тихо, как в могиле. Меня невольно передергивает от подобного сравнения. Небольшой зал впереди. Цепочка следов ведет из него во второй коридор справа. Внимательно осматриваю поверхность пола, но больше нигде слой пыли не потревожен. Нет, я не буду проверять другие коридоры – слишком много времени для этого потребуется, да и смысла особого я в этом не вижу. Вереница следов надежно ведет меня сквозь лабиринт переходов и помещений. На счастье, здание сохранилось достаточно хорошо, и я ни разу не видел обвалившийся потолок или провалившийся пол. Стены, впрочем, также целы. Шум. Я замираю и вслушиваюсь. Вот, снова. Голос или голоса. Эхо коверкает и искажает их. Значит лестница уже близко. Вокруг становится заметно светлее. Уже без дополнительного освещения я вижу дверной проем не далее чем в паре десятков метров. Не теряя бдительности, я все также проверяю каждое помещение по обе стороны коридора и, наконец, оказываюсь у выхода на небольшую площадку.

– Эй, Макс, ты где?! – вдруг доносится откуда-то совсем рядом.

Я едва не кричу в ответ, чтобы Рыжий немедленно заткнулся, но сдерживаюсь. Сейчас я ему покажу, как нужно вести себя в незнакомом и опасном месте. Надеюсь только, что когда я его напугаю, он не будет вопить от страха слишком сильно.

Два узких высоких окна на противоположной стене дают достаточно освещения. Здесь светло настолько, что необходимость в фонаре отпадает сама собой, и я выключаю тот, что закреплен у меня на шлеме. Тянусь уже погасить оружейный, когда мой взгляд цепляется за то, что сразу и не заметил, а все из-за Рыжего. Неужели Клаус не может его успокоить? Вот, снова до меня доносится смех Семена. А я гляжу, замерев, на цепочку следов на полу. Они ведут с лестницы, но в помещение за стеной слева от меня отходит иной след. Он введет в помещение, которое находится как раз между выходом на лестницу и коридором, откуда я только что вышел. Признаться, сперва я испугался, потому что принял его за тот, что оставляли после себя щупальца огромного монстра из экзамена, но потом, присмотревшись, пришел к выводу, что такой след могла оставить после себя тварь, что не могла передвигаться обычным образом,

а только ползком. Вот и отпечатки пятипалых лап. Да, судя по всему, монстр оказался серьезно ранен, чтобы продолжить движение. Какова вероятность того, что он все еще жив и ждет, пока к нему кто-нибудь не зайдет? Недостаточно велика, пожалуй. Если монстр все еще жив, то он наверняка на последнем издыхании. Иначе не стал бы волк отлеживаться, а продолжил движение, и, скорее всего, я встретил бы его в одном из многочисленных коридоров.

– Макс, ты где?! – Рыжий все никак не успокоится, но на этот раз его голос слышен уже довольно близко.

Приставным шагом медленно-медленно достигаю входа в помещение, куда уводят следы раненой твари. Какой-то неясный звук, словно глухой рык, доносится из-за стены. Вот и хорошо. Значит тварь все еще жива и не нужно это проверять. Шаги на лестнице слышны уже совсем близко. Опускаю Вал, чтобы фонарь на нем не слепил Семена и жду его. Рык за стеной повторяется. Ну же! Где там этот Рыжий? Словно в ответ на мои мысли, парень появляется из дверного проема, ведущего на лестницу, видит меня, стоящего на полусогнутых ногах, с автоматом наизготовку, да так и замирает с открытым ртом. Делаю ему страшные глаза и знаком показываю: «Тихо!» Он кивает. Металлический цилиндр появляется в моей ладони, я выдергиваю чеку и закидываю гранату в помещение, где находится монстр. Отворачиваюсь, крепко зажмурившись и открыв рот. Успеваю увидеть, как Семен отпрядает назад, за угол.

– Бам! – гремит за стеной.

Рукоятка автомата, будто живая, сама ложится в ладонь. Врываюсь внутрь, шаря лучом фонаря. Небольшое помещение. Дым и вонь. Плотным облаком в воздухе стоит пыль, но я все равно сразу нахожу взглядом фигуру волка в дальнем углу. Не спешу стрелять. Тварь сидит на полу и совсем по-человечески прикрывает глаза мощной лапицей. Звон в ушах проходит, и я слышу жалобные скулеж и подвывание волка. Когда-то лоснящаяся черная шерсть сера от пыли, и мне удается разглядеть в районе живота монстра несколько бурых, маслянисто поблескивающих в лучах света пятен. Видимо, эти раны и лишили его возможности нормально передвигаться. Судя по всему, пули нанесли серьезные повреждения позвоночнику твари. Ну и живучая же она! Несмотря на страшные раны, волк сумел подняться по лестнице на такую высоту. А вот это интересно – под лучом фонаря шерсть монстра темнеет, будто обугливается. Волк начинает скулить громче, видимо, свет причиняет ощутимую боль. Смещаю оружие так, что теперь фонарь светит в стену прямо над головой монстра. Он сразу перестает издавать жалостливые звуки и опускает лапу, которой прикрывался от света. А потом наши взгляды встречаются. Меня сразу же охватывает странное ощущение, будто кто-то пытается влезть в мысли. Глаза твари, неожиданно ярко-алые, словно в душу заглядывают, стараются вызвать страх, ненависть, жалость, злость, любую эмоцию, которая помогла бы ей. Я будто снова оказался на уроке Марины Яковлевны, когда та впервые показала нам тварь, выглядевшую вполне обычным человеком. А волк, я чувствую, многократно сильнее и хитрее той, что демонстрировала нам Учительница. Алый свет из его глаз заполняет собой всю комнату, и время словно замедляет ход. Я опускаю ствол Вала ниже, и луч света бьет монстру в морду. Странное наваждение моментально исчезает. Волк тотчас начинает жалобно скулить и прикрывается лапой от света. Затворная рама щелкает, выплевывая три дымящиеся гильзы. Тварь, что пыталась овладеть моим разумом, исчезает, сдохнув, и я теперь уже спокойно выхожу из комнаты. А сейчас кто-то получит за крики и лишний шум. Никого.

– Семен! Клаус! – громким шепотом зову я.

Осторожно выглянув из дверного проема, показывается Рыжий.

– Какого черта, ты шумишь? – сразу набрасываюсь на него, а парень лишь пожимает плечами.

– Тебя искали, – отвечает он, – Думали, ты встретишь нас на лестнице. Еще и твари эти проклятые...

– Вы наткнулись на тварей? – Сразу подбираюсь я, а у меня перед глазами живо встают образы огромных щупалец.

– Нормально все. Никто не ушел. – Рыжий почему-то избегает смотреть мне в глаза. Он опускает плечи и отворачивается. – Здесь на лестнице...

Семен не заканчивает фразу и так и стоит, отвернувшись. Куда девалось его хорошее настроение?

– Да что случилось в конце концов?! – не выдерживаю я и кричу на него.

– Там...

– Что там?! Где твое оружие?! – я шагаю к нему и хватаю за плечо, разворачивая лицом. – Что за...?!

Я не чувствую ткани под пальцами! В последний миг Рыжий дает себя повернуть, и полыхающие алым глаза впиваются в меня. А под ладонью я явственно чувствую жесткую, как щетина, шерсть.

Никогда прежде я не сталкивался с тварями так близко. Тот, которого я принял за друга, резко поднимает руки так, что моя ладонь соскальзывает с его плеча. Я успеваю схватить его за грудки. Точнее не схватить, а упереться в грудь монстру обеими руками и остановить надвинувшуюся на меня оскаленную страшными клыками пасть. Челюсти монстра громко щелкают в каких-то сантиметрах от моего лица, и смрад из нее сбивает собственное дыхание. Мой Вал бесполезно болтается на груди, да и возможности схватить его или же «достать» хотя бы пистолет у меня попросту нет – все силы уходят на то, чтобы сдержать волка и не дать ему вцепиться мне в лицо. Тварь продолжает напирать и одновременно тянет меня к себе. Он не пытается со мной бороться, кидать или швырять, хотя сил ему на это вполне хватит. Зачем, когда я вот – перед ним? Ему нужно только дотянуться до меня. Тварь все еще в облике Рыжего, только лицо, еще человеческое, претерпевает ряд пугающих перемен. Челюсти сильно вытянулись и раздались вширь, обзаведясь устрашающего вида и количества клыками. Лицо друга являет собой страшную и отвратительную смесь животного и людского. И глаза – глаза монстра торжествуют, сверкая алым, чувствуя мою беспомощность.

Преодолевая мое сопротивление, монстр все усиливает свой натиск и сантиметр за сантиметром приближает свою страшную морду к моему лицу. Я чувствую, как когти на его лапах впиваются в мое тело и погружаются все глубже, раздирая мышцы, сухожилия и кровеносные сосуды. Потом я слышу треск. С ужасом понимаю, что это хрустят, ломаясь мои кости. Обе ключицы сломаны! Сейчас мои руки опустятся, не в силах более сдерживать тварь. Щедро разбавленная тоскливым ужасом, на миг мной овладевает самая настоящая паника. Все, отжил свое Плетущий по прозвищу Оружейник. Я все еще пытаюсь найти выход, лазейку, хоть что-нибудь, что поможет мне. Мгновения противостояния растягиваются неимоверно. Алые буркала монстра, только они остались на свете. Их кровавый свет заливают все вокруг. Сколько же ненасытного голода в них! Тварь жадно и быстро насыщается моими эмоциями: моей болью, моим ужасом и чувством беспомощности. Неожиданно легко мне удается закрыть глаза, уговаривая чужую волю, что это я от безысходности и страха – покоряюсь.

Моментально пропадает боль в сломанных ключицах. Я чувствую, что лапы твари больно, очень больно сжимают мои плечи и основание шеи, но когти не в состоянии прорвать титановые пластины и кевларовую ткань бронезилета, а шея моя надежна защищена высоким воротником с титановой же вставкой. Синяки – да, останутся, но на мясо меня не порвали. Пока.

Страх уходит. Уходит и ужас. Я четко осознаю, что не могу погибнуть. Не должен и не имею права. Мгновенья все так же тянутся, липкой патокой растягиваясь в минуты. Внезапно чувствую, как хватка монстра усиливается. Видимо, тварь ощутила изменение в ситуации. Я уже не донор для нее. Открываю глаза за миг до того, как волк начинает злобно рычать. Его алые уголья глаз жадно ищут мой взгляд. Больше я не таюсь. Сейчас я уже готов. Красный свет

снова заполняет собой все вокруг. Я буквально заставляю себя испытать страх и панику. Глаза твари разгораются ярче, но хватка ее немного ослабевает. Когда становится ясно, что больше монстр захват не ослабит, я «закрываюсь», отключая эмоции. Бесплезно пытаться ударить волка ментально. В ответ он просто откусит мне голову, и все. Готов поклясться, что в самый последний миг где-то на дне кровавого колодца сверкает удивление, и я падаю. Подняв правую ногу, я жестко упираюсь ею в живот монстра и тяну на себя изо всех сил. От невероятного напряжения мои кости трещат, а жилы, кажется, сейчас лопнут, но мне удается перекинуть через себя тяжеленную тушу. Тварь разжимает передние лапы, отпуская мои плечи. Нельзя сказать, что она перелетела через меня, скорее перекатилась, но своего я добился – освободился. Невероятно ловко монстр группируется и вместо того, чтобы упасть на пол, приземляется на все четыре конечности. В страшной спешке и боясь ошибиться даже в самом незначительном движении, отработанным многие тысячи раз движением, прямо из положения лежа выхватываю из кобуры пистолет и, не вставая и не переворачиваясь на живот, начинаю стрелять, когда волк уже снова готов прыгнуть. Пустотелые пули останавливают его прыжок, а потом и отбрасывают назад, нанося страшные раны. Я быстро перекатываюсь и поднимаюсь на ноги. Тяжело дыша и зло скалясь, мне достает сил громко ругаться. Тварь все еще жива. Продолжая сквернословить, я расстреливаю оставшиеся патроны, целясь монстру в глаза. Это все нервное. Я слишком зол и слишком испуган, чтобы просто добить тварь. Несколько секунд спустя тело волка, у которого практически не осталось головы, исчезает. Меняю обойму в пистолете на полную и помещаю его обратно, в кобуру на бедре. И тут я чувствую, как ноги буквально подкашиваются, а в спине, в районе поясницы, отдает резкой колючей болью. На негнущихся ногах, охая и постанывая, словно столетний дед, отхожу к дальнему углу площадки и, тихо ругаясь сквозь зубы, сажусь прямо на пол, прислоняясь спиной к стене. Вся площадка передо мной – как на ладони. Справа от меня – два узких высоких окна. Ничего больше стандартных, то есть человеческих, размеров через них не пролезет. Слева – выход в коридор, дверной проем, ведущий в комнатушку, где была раненная тварь, и выход на лестницу. Прямо напротив и за спиной – глухие стены без окон и дверей. Дрожащими пальцами «достаю» сигарету и нервно закуриваю. Глубоко затягиваюсь, не чувствуя крепости и аромата табака и шумно выдыхаю. Честно говоря, продолжать поиски друзей нет никакого желания. И никаких сил. Найдут дорогу сами – не маленькие, тем более что следы на полу четко видны и легко читаются. Наконец мне удастся успокоить дыхание, и я анализирую недавнюю схватку. А ведь я был близко, очень близко к смерти. Как никогда прежде. И должен признать, в этом была, в первую очередь, моя собственная вина. Я доверился глазам, и это едва не погубило меня. Сразу вспомнились нестыковки и необъяснимые противоречия в поведении твари, притворившейся моим другом: отсутствие оружия и противоречивое поведение. Хотя смеялась и разговаривала тварь в точности, как Рыжий. Я вспомнил, как темнела и обугливалась шерсть раненного волка под светом фонарей, и еще больше разозлился на себя. Ну что мне стоило хотя бы вскользь посветить на волка, перекинувшегося Семеном? Внезапная и шокирующая мысль вдруг приходит в голову. А что если это и был настоящий Рыжий? Что если он уже перебил Клауса и девочек, напав на них в самый неожиданный момент, и теперь пришел за мной? Мысль кажется настолько ужасной в своей нелепости, что я моментально отбрасываю ее. Для начала нужно дождаться ребят. Вот если они не появятся... Я сплевываю с досады, памятуя о том, как исчез труп Угрюмого. Стоп! Хватит ломать голову над заранее бессмысленными догадками. Сейчас мне нужен отдых. Если бы Рыжий был монстром – возвращается навязчивая мысль – он не стал бы так долго тянуть с расправой. Что ему мешало, в таком случае, еще на лестнице просто скинуть Клауса, Соню и Катю вниз? К тому же, твари неспособны полноценно плести и работать с более-менее сложными предметами, какими является оружие. Убедив себя окончательно в неразумности своих страхов и решив, что паранойя хороша в разумных пределах, я перестал мучить себя беспочвенными домыслами и догадками. Я просто жду, вслушиваясь в тишину.

Мои руки уже не трясутся, и едва я докуриваю сигарету, как слышу звуки. В который уже раз, действуя на автомате, пытаюсь «созерцать», но снова у меня ничего не получается. Прислушиваюсь. Да, с лестницы доносятся голоса. Что же, буду надеяться, что это поднимаются мои друзья. А если нет, я достаточно легко смогу удерживать свою позицию, не давая врагам покинуть лестницу. Стиснув зубы от боли в спине и беззвучно ругаясь, поднимаюсь на ноги и готовлюсь к контакту.

Спустя какое-то время я уже совершенно отчетливо слышу Рыжего. Как обычно, Семен разговаривает громче, чем нужно. Слов я разобрать не могу, но создается впечатление, будто он с кем-то спорит, хотя голоса оппонента не слышу. А потом ко мне приходит припозднившееся озарение. Мысленно хлопнув себя по лбу, «достаю» по очереди три достаточно мощных фонаря, устанавливаю их таким образом, чтобы их лучи были направлены точно на дверной проем. Я уже слышу Клауса, это он разговаривает с Семеном. Более не мешкая, включаю все три фонаря, и их мощные лучи освещают выход с лестницы. Голоса моментально стихают. Держа под прицелом дверной проем, громко и членораздельно говорю:

– Выходим по одному! Руки держать так, чтобы я видел!

Глава 8

Скудный свет, льющийся из окон, поменял свой цвет. Теперь тучи в небе вспыхивают не мертвенно-зелеными, а странными и неожиданными фиолетовыми вспышками. Будто некто огромный и невидимый просвечивает ультрафиолетом этот мертвый мир.

Мы сидим полукругом у стены, держа под наблюдением выходы на лестницу и в коридор. Вид у ребят после моего рассказа о схватке с монстром ошалелый.

– Ничего себе, – выдавливает наконец Семен без своих привычных шуток. – Значит выглядел, как я, говоришь? Но почему?

Я пожимаю плечами, но Рыжий сидит сбоку и не видит моего жеста, и я отвечаю вслух:

– Не знаю наверняка, – и добавляю, – Может ты чем-то приглянулся?

Он глядит на меня с испуганным недоумением, потом до него доходит, что я пытаюсь шутить и фыркает сердито:

– Да иди ты...

– Вероятно, – подает голос Клаус, – каким-то образом тварь решила, что Семен эмоционально ближе тебе, чем остальные из нас, и доверяя к нему ты испытываешь соответственно больше.

Рыжий снова фыркает, я же не спешу отвечать. В словах Клауса на самом деле присутствует зерно истины.

– Получается, твари могут принимать любой облик? – испуганно спрашивает Соня, чем привлекает к себе всеобщее внимание.

– На уроках Марины Яковлевны мы изучали эту их способность, – говорю я девушке. – Ты, что, не помнишь?

– Помню, но... – она запинаясь. – Просто я не думала, что вот так... Что они могут принимать наш облик.

Она нервно машет рукой, а меня посещает странное ощущение. Я знаю, что и Соня, и Катя, и Семен – опытные и искусные Плетущие. Я знаю, что мы все через многое прошли, чтобы ими стать. Нагрузки, которыми мы себя подвергаем из ночи в ночь имеют больше моральный характер, ведь зачастую нам приходится бывать в самых настоящих кошмарах других людей. По сравнению с ними сегодняшние события отнюдь не кажутся какими-то действительно страшными. Странно видеть своих друзей еще такими молодыми и неопытными юнцами. Мою короткую задумчивость прерывает Клаус:

– Так как ты убил монстра, ты говоришь? – спрашивает он.

– Я не говорил о том, как именно с ним расправился, – отвечаю я, стараясь контролировать свои эмоции. – Я сказал, что просто убил тварь, и все.

– Мы слышали выстрелы, – подает голос Катя, – но их было слишком много для одной твари.

Ловлю ее недоуменный взгляд.

– Сколько их было на самом деле? – снова спрашивает она, но я слышу испуг в ее голосе.

С некоторым недоумением я вдруг понимаю, что Катя волнуется за меня. И меня трогает подобная забота.

– Просто пришлось побороться, – отвечаю уклончиво, – и в пылу схватки всадил в тварь всю обойму.

– Почему же не из Вала? – удивляется Клаус. – Было бы не так громко.

У меня перед глазами мелькают образы оскаленной пасти, огромных клыков в ней. И эти ярко-алые глаза, чей свет залил все вокруг, лишив воли и вселив ужас. Лапы, вцепившиеся в меня и тянущие, тянущие... Невольно передергиваю плечами, отгоняя воспоминания.

– Потому что я не успевал дотянуться до автомата, а не то, чтобы стрелять из него, – отвечаю я не в силах скрыть злое раздражение от того, что приходится рассказывать ребятам такие подробности схватки. Сразу жалею, что дал волю чувствам, но молчу.

– Это тварь следы оставила? – осторожно спрашивает Соня, прикасаясь к моему плечу.

Опускаю глаза, чтобы только сейчас увидеть, что разгрузочный жилет разорван у основания шеи. Ругаюсь про себя на собственную невнимательность.

– Да, – отвечаю коротко и начинаю стягивать с себя испорченную разгрузку. Ребята молча наблюдают за моими действиями.

– Самое главное, – говорю я, натягивая новый жилет и продолжая прерванный разговор, – это то, что у волков обнаружено уязвимое место. Они боятся электрического света.

– Если бы все твари боялись его, – вздыхает Рыжий.

– Надеюсь, что мы не встретим больше ни одной твари, и нам не придется проверять эту теорию в деле, – говорю я.

– Да, было бы неплохо, – соглашается Семен.

– Как вы сами добрались?

– Нормально, – отвечает он, – твари оставили на полу четкие следы, хотя нам и пришлось поплутать, следуя им.

– Лестница, по которой мы сюда поднялись, ведет выше, на верхние этажи, – произносит Клаус.

– Это хорошо, – отвечаю, и на этом разговор как-то сам заканчивается.

Мы провели на площадке четверть часа. За это время мы успели немного передохнуть, прежде чем снова отправиться в путь. Каждый из нас уже навесил на оружие фонари. Никого не приходится уговаривать закрепить дополнительные осветители и на шлемах. Я встаю, разминая ноги. Основание шеи, ключицы и плечи моментально отзываются тупой ноющей болью. Стараюсь внешне не выдать неприятных ощущений. Боль вполне терпима, в общем, нужно не обращать на нее внимание. У меня всего лишь синяки. Оглядываю ребят. Вид у них уставший, я бы сказал, изможденный, но глаза горят упрямой решимостью. То, что нужно.

– Как рука? – спрашиваю негромко у Кати.

– Нормально. Жить буду, – она поправляет повязку через плечо.

Клаус уже стоит у выхода на лестницу, выглядывая. Семен несколько раз подпрыгивает на месте, проверяя, ничего ли не гремит. Соня, смешно выпятив нижнюю губу, дует вверх, сгоняя с глаз выбившийся из-под шлема светлый локон.

– Идем прежним порядком, – говорю я, когда мы собираемся выходить на лестницу, – я первый, за мной – Семен, Катя и Соня. Клаус – замыкающим.

Лестница встречает нас пыльной тьмой. Она сохранилась не в пример лучше той, на которой мы приняли бой с волками, в центральном холле. Легкий шорох шагов и шум собственного дыхания вкупе с заунывным пением сквозняка, приятно холодящим лицо, разбавляют тоскливую тишину. Лучи наших фонарей мечутся по стенам, потолку и ступеням, вырывая из мрака каждый темный угол. Здесь нет окон, только голые стены вокруг. Ковер пыли под ногами, приглушающий наши шаги, нетронут, и лишь следы ботинок остаются на нем после нас. Между этажами три лестничных пролета по четырнадцать ступеней в каждом.

Измученный вдох раздается за моей спиной, когда мы поднимаемся к двери, ведущей на пятый этаж. Да, здесь, в мертвом городе, в этом безжизненном здании мы вдруг натываемся на самую настоящую дверь. Обычная белая дверь с изогнутой толстой пластиковой ручкой. Насколько она привычно выглядит в реально мире, настолько и нелепа здесь. Поднятый мной вверх кулак моментально прекращает усиливающийся шепот за спиной. Оглядываюсь назад. Взглядом нахожу Семена и делаю ему жест. Он понимает правильно и, протиснувшись мимо меня, поднимается на несколько ступеней следующего пролета.

– Чисто, – шепчет он.

Дверь открывается внутрь. Показываю на Клауса, а потом – на дверь. Парень кивает и подходит совсем близко, берясь за ручку. Показываю ему три пальца, два, один и коротко машу ладонью. Он толкает дверь, вваливаясь внутрь, и смещается влево, давая мне дорогу. Захожу и занимаю позицию справа у стены. С десятков секунд мы шарим стволами по помещению в поисках целей, но никто так и не показывается. Просто удивительно, но помещение, в котором мы оказались, резко отличается от всего, что мы видели здесь. В лучах наших с Клаусом фонарей видны белые стены, облицованные мрамором, отражающим свет. Самый настоящий красный ковер под ногами...

– Соня, Катя, Семен! – громким шепотом зову я. – Давайте сюда.

Умело прикрывая друг друга, ребята, втекают в помещение, вода стволами по сторонам. С тихим, почти неслышным скрипом дверь закрывается. Чую неладное, быстро шагаю к ней и дергаю за ручку. Дергаю еще раз, сильнее, но дверь остается закрытой. Ловлю испуганный взгляд Кати и недоуменный – Семена. Вышибить ее к чертовой матери? А зачем? Если будет нужно, мы наверняка сможем подорвать эту дверь, а сейчас совсем не хочется шуметь на все здание и ближайшую округу.

Странно, но здесь темно, хотя, по идее, свет с улицы должен проникать сюда через точно такие же окна, как этажом ниже. Ну не может быть планировка этажей разной. Луч моего фонаря скользит по гладкой белой стене и, наконец, натывается на окно. Машинально отмечаю, что на месте проема в стене находится самое настоящее застекленное окно, а рядом с ним – другое, точная копия соседнего. Стекла отражают свет, но в ступор меня вводит нечто другое. Ребята опускают стволы своих автоматов, когда я прохожу мимо них и подхожу вплотную к окну, за которым царит мрак. Шарю взглядом по его раме в поисках ручки, но не нахожу ее.

– Где это мы? – сдавленно шепчет Семен.

«Может, – думаю, – стекло так сильно затонировано, что ничего за ним не видно?» Прижимаюсь лбом к холодному стеклу, пытаюсь разглядеть, что за ним. Нет, ничего не вижу, будто в бездну гляжу. Делаю шаг от окна, и в этот момент загорается свет. Кажется даже, что кто-то из девушек негромко вскрикивает от неожиданности. Замерев в напряженных позах, целую минуту мы ждем чего угодно. Мой взгляд скользит по белым стенам (похоже, они и вправду облицованы мрамором), полу под ногами, на котором лежит красная ковровая дорожка, а там, где между ней и стенами остается свободное место, виден пол, выложенный черным с какими-то золотисто-белыми прожилками мрамором. Гляжу на светильники, закрепленные на стенах и потолке, на коричневые двери с блестящими позолоченными ручками. Время идет, но ничего так и не происходит. Никто на нас не нападает. Ничего не слышно, и никого не видно. Шум нашего дыхания – единственный звук, да и тот впитывается толстым ковром под ногами без остатка. Тишина звенит от напряжения. Слева от выхода на лестницу, над которым в зеленой табличке изображен стилизованный человечек, идущий вниз по лестнице, располагается дверь. Клаус чувствует мой взгляд, когда я смотрю на него и кивает согласно, едва только я показываю на дверь. Подходим к ней. Оглядываю косяк – она открывается наружу. Пальцы в обрезанных перчатках ложатся на круглую ручку. Влево или вправо? Пробую вправо, медленно и осторожно, – ручка поддается. Негромко щелкает, я рывком распахиваю дверь, и Клаус влетает в помещение. Оно идентично по площади с такой же комнатой на четвертом этаже, где я обнаружил раненную тварь. На этом вся схожесть и заканчивается. Здесь на полу – серый ковролин, у стены напротив двери – совсем небольшой стол и стул подле него. Стены какого-то невнятного мышиного цвета. На потолке – казенный плафон, и в нем ярко светит, наверное, «сотка». На другой стене – полки, сейчас пустые. В углу стоят ведра и несколько швабр. Рядом – машина, судя по всему, одна из тех, которыми убирают: моют и пылесосят полы. Мы с Клаусом покидаем помещение, выходя к ребятам, они тревожно встречают нас настороженными взглядами.

– Что там? – громким шепотом спрашивает Рыжий.

– Ведра и швабры, – отвечаю вполголоса.

Сверкающие белым мрамором стены и потолок отражают нас, как в зеркале. Конечно, не так четко и ясно, но все равно в этой неестественной чистоте наше присутствие кажется здесь совсем неуместным. А потом появляются звуки. Как будто издалека, они становятся все громче и громче. От неожиданности и испуга мы группируемся в самом углу площадки рядом с выходом на лестницу, ошетиливаясь во все стороны стволами.

В бескрайнем изумлении в какофонии наступающих на нас звуков я отчетливо слышу автомобильный клаксон. Гул голосов, звуки закрывающихся и открывающихся дверей здесь, в помещении, завывания сирены не то пожарной, не то «скорой» на улице окружают и обволакивают нас, будто погружая в новый мир. Достигнув какого-то определенного уровня, шум более не усиливается, но и не становится слабее. Вдруг неожиданно где-то звонит телефон. Это кажется настолько нелепо, что ни на миг не возникает сомнений, что сейчас кто-то поднимет трубку. Казенный офисный звонок звучит трижды, а потом пропадает. Это где-то совсем рядом. Проходит совсем немного времени, и я отчетливо слышу, как с характерным звуком трубку кладут на место. Мы переглядываемся друг с другом круглыми от удивления глазами. До нас снова доносится звук автомобильного клаксона, и я оборачиваюсь к окну. За ним уже нет мрака – за ним стоит ночь. И за ним находится город. Не тот, через который мы с таким трудом совсем недавно пробирались. Это совсем другой город. И там идет дождь. По мокрому асфальту едут самые обыкновенные автомобили, сверкая фарами и багровея задними «стопами». Ярко освещенные улицы сходятся на перекрестках со светофорами. Неоновые вывески освещают фасады зданий. Мне без труда удастся прочитать некоторые из них: «Кафе у друзей», «Аптека», «Ночной клуб Рыжая bestия», «Продукты». И по улицам идут люди. В плащах, куртках с накинутыми капюшонами, пиджаках с поднятыми воротниками. Под зонтами и без них. Самые обычные с виду люди. Самый обычный городской пейзаж. Поднимаю взгляд. Подсознательно ожидаю увидеть все те же сердитые, несущиеся куда-то тучи, подсвечиваемые изнутри вспышками молний. Но мои ожидания не оправдываются – темное небо скрыто обычными дождевыми облаками. Машинально пытаюсь «созерцать», чтобы проверить природу наблюдаемого мной необычного города внизу, но, как и прежде, мои попытки бесполезны.

Приникаю к холодному стеклу, закрывая ладонями лицо, чтобы свет в помещении не мешал мне. Оно моментально запотеваает от моего дыхания, и приходится его протирать. Дождевые капли ползут по окну, оставляя за собой мокрые дорожки. Да, по улицам идут люди, по дорогам, разбрызгивая воду из луж, едут автомобили, а с неба льет дождь. Короткая вспышка молнии освещает на миг вполне обычные, хотя и недобрые, грозовые облака. По привычке начинаю считать секунды. На седьмой – гроыхает. Близко. Раскаты гремят, все усиливаясь. Стекло начинает дрожать, и я отлипаю от него. Постепенно гром стихает, а дождь начинает лить сильнее.

Где-то за спиной резко хлопает дверь. Это будто служит сигналом. Появляются новые звуки: жужжат принтеры, выплевывая бумагу, начинают звонить сразу несколько телефонов, слышен даже цокот каблучков по полу, где-то громко забулькал куллер, глотая воздух.

Растерянные и одновременно настороженные лица ребят. Надеюсь, я выгляжу более уверенным.

– Уходить отсюда нужно, – выдавливают Семен, когда наши взгляды встречаются.

– Ты помнишь что-нибудь подобное? – негромко спрашивает меня Соня.

– Нет, – качаю головой, – ничего такого.

– Что это за город внизу? – Катя осторожно выглядывает в окно.

– Какая разница? – резко отвечает Рыжий, – Мне здесь не нравится. Валить отсюда нужно.

– Ты говорил, что зеленая дверь находилась на пятом этаже? – обращается ко мне Клаус.

– Да, и мы сейчас как раз на пятом этаже.

Семен хмурится и спрашивает:

- А где именно, ты помнишь?
- Нет.
- Все слишком странно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.